

Гадючий *Дз*

Наталья
Тимошенко

Наталья Васильевна Тимошенко

Гадючий Яр

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70415488

Аннотация

Гадючий Яр – особенное место, не зря получившее свое название. Вода в здешнем озере прозрачна и чиста, леса богаты грибами и ягодами, но змей столько, что не каждый решиться за ними пойти. Ярослава выросла в Гадючем Яре. Дедушка говорил ей, что она особенная. Не такая, как все, поэтому может видеть вещи, недоступные другим людям. Бабушка советовала об этом помалкивать, чтобы не прослыть сумасшедшей. Однажды ночью Ярослава собрала вещи и спешно уехала. На то у нее были причины, о которых она никому не сказала. И вот спустя десять лет она вернулась обратно. За это время Гадючий Яр изменился до неузнаваемости, но не всем по вкусу такие изменения. Ярослава не хотела занимать чью-то сторону, но, когда вокруг начали умирать молодые девушки, у нее не осталось выбора.

Содержание

1	4
2	14
3	26
4	35
5	46
6	54
7	62
8	71
9	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Наталья Тимошенко

Гадючий Яр

1

Нельзя купаться в открытых водоемах после второго августа: русалки и водяные утащат на дно. Так всегда говорила Яре бабушка, так говорили бабушки всем детям в деревне. Дети, конечно, бабушек не слушали. Было в этом какое-то особенное приключение: втайне от взрослых собраться за старой конюшней, прихватив из дома полотенца, и отправиться на озеро. Обойти его по большому кругу, чтобы выйти на крохотный пляж, невидимый со стороны деревни.

Не всегда детские шалости заканчивались хорошо: Яре было четыре или пять, когда утонул девятилетний Андрюша. Пошел с друзьями купаться, да не вернулся. Мальчишки, перепуганные тем, как на их глазах друг ушел под воду и назад не выплыл, никому ничего не сказали. Андрюшу искали несколько дней. И соседи, и милиция, и волонтеры. Прочесали все окрестности, затоптали в лесу ягодник, перевернули вверх дном Гадючий Яр. Но мальчишку не нашли. Всплыл он сам неделю спустя.

Бабушка говорила маленькой Яре, что это русалки его утащили, а когда наигрались, отпустили. Дедушка объяснял

про коварные подводные течения и водовороты. Тогда Яра больше верила бабушке. Все дети в тот год притихли, купаться больше не ходили. Подходы к дикому пляжу засыпали.

Яра давно выросла, перестала верить в русалок и водяных, поняла, что и бабушка никогда не относилась к этим сказкам всерьез, говорила так лишь для того, чтобы напугать внучку, заставить ее слушаться.

Оказавшись в родных местах, Яра первым делом отправилась к озеру, несмотря на то, что на дворе стояла вторая половина августа. Как она и ожидала, вода была теплой и чистой. Август выдался жарким, по ночам еще можно было ходить в легких платьях и майках с коротким рукавом, а потому вода в озере не успевала остывать и даже на рассвете была комфортной для купания. Что уж говорить о середине дня, когда яркое солнце выбеливает воздух, рассыпает по ровной глади озера серебряные блики, от которых больно глазам.

Раскинув руки в стороны, Яра долго лежала на спокойной воде, разглядывая редкие облака в высоком небе. Так она любила делать в детстве: смотреть на облака, представлять, какие они на вкус и можно ли по ним прыгать, искать сходство с различными животными. С тех пор, как уехала из деревни в город, Яра никогда больше не смотрела в небо, не разглядывала пушистые облака. У нее теперь были другие заботы, другие дела, но вот, оказавшись там, где провела беззаботное детство, она вдруг поняла, что облака ждали ее все эти десять лет.

Вдоволь накупавшись, Яра вылезла из воды, завернулась в большое полотенце, выжала длинные светлые волосы и огляделась по сторонам. Большой пляж был пустым, несмотря на продолжавшиеся летние каникулы. Похоже, местным детишкам все еще запрещали купаться, пугая тем, что после Ильина дня просыпается в озере водяная нечисть. Скорее всего они, как и их родители много лет назад, не слушают запретов, и тот маленький пляж на другой стороне озера еще не зарос окончательно.

– Ярка? Ярослава Миронова, ты ли это?

Яра обернулась, не сразу сумев разглядеть того, кому принадлежал голос. Точнее, ту, ведь голос был женским. Солнце било в глаза, и, только когда девушка подошла ближе, Яра узнала Светку Повалиеву – бывшую одноклассницу.

– Привет! – улыбнулась Яра.

Светка, поняв, что не ошиблась, бросилась в объятия, будто они были лучшими подругами, не видевшимися лет сто. Не виделись на самом деле давно, Яра не приезжала в родные места десять лет, если не считать того короткого дня в прошлом ноябре, когда хоронили дедушку. Но вот подругами они никогда не были. Не ругались, но и не дружили. Просто учились в одном классе. Тем не менее сейчас это не мешало Свете крепко обнять ее, не обращая внимания на то, что на теле Яры еще не высохли капли озерной воды.

– А я иду вдоль пляжа, смотрю – купается кто-то. Думаю, кто это у нас такой смелый, общественного порицания не бо-

ится? – рассмеялась Светка, наконец отпустив Яру и сделав шаг назад.

– Только не говори, что тут до сих пор верят в эти сказки, – хмыкнула Яра. – Не купаться в такую погоду просто преступление.

– Ой, да только бабки и верят, – махнула рукой Светка. – Молодежи плевать. Даже мы запреты нарушали, что уж говорить о тех, кому сейчас пятнадцать. Просто умные стали, на этот пляж не ходят. Старый наш тайный засыпали, но мало ли других мест, где и вода чистая, и с деревни тебя не видеть?

Мест таких было много. Озеро, которое носило название Зеркальное – до того чистая и спокойная вода в нем была, – имело вытянутую неправильную форму со множеством небольших бухт и заливов, где всегда можно было купаться так, чтобы никто не видел. Тот дикий пляж, где утонул Андрюшка, был не единственным. У Яры имелась собственная тайная бухта в детстве. Совсем маленькая, до того углубленная в сушу, что чуть не образовала отдельное озеро. Добраться до нее с берега, не зная секрета, было почти нереально: берег там высокий, крутой. Но Яра еще лет в одиннадцать случайно обнаружила ход: корни двух деревьев на небольшом холме сплелись между собой так сильно, что удержались, даже когда земля между ними обвалилась. Удержались и образовали нечто вроде туннеля, пробравшись по которому, можно выйти к самой воде.

Очевидно, Светка не собиралась уходить, не посплетничав, поэтому Яра быстро набросила поверх купальника легкое платье, свернула полотенце и неторопливо направилась в деревню вместе с бывшей одноклассницей.

— А ты надолго к нам? — поинтересовалась Светка прежде, чем Яра успела бы первой что-то спросить.

— Думаю, на пару месяцев, — честно ответила Яра. — Может быть, до Нового года.

— Это у тебя отпуск такой большой? — с подозрением прищурилась Светка.

— Это я уволилась, — пожала плечами Яра.

Она на самом деле уволилась. Причину не понял никто, даже, если уж быть до конца честной, она сама. Яра проработала в одном журнале пять лет, ее ценили и уважали, не обижали в деньгах, просто в какой-то момент она проснулась утром и поняла, что больше не хочет. Не хочет бежать на планерки, не хочет брать интервью, не хочет докапываться до истины, не хочет писать статьи. Ей просто НА-ДО-Е-ЛО. Главред просил не увольняться, уйти в отпуск. На столько, на сколько она захочет. Обещал даже сохранить зарплату, но Яра не хотела. Она всегда была такой: если уж приняла решение, то отговорить ее никто не сможет.

Оказавшись без работы, Яра поняла, что просто уйти мало. Ей нужно как следует отдохнуть. Многочисленные друзья, разбросанные по земному шару, наперебой звали к себе, приглашали провести несколько месяцев и в Испании, и на

Бали, и в Таиланде, и даже в Исландии. Но Яра собрала чемодан, забросила в машину и поехала к бабушке. Потому что поняла, что не хочет не только брать интервью и писать статьи. Кататься на лыжах, серфинге, ходить по барам и пить коктейли до утра она тоже не хочет. Она хочет просто спать и есть, иногда лениво загорать и купаться. Читать книги, собирать грибы в лесу и делать прочие вещи, на которые у нее не хватало времени последние десять лет. Вряд ли кто-то понял бы эти ее желания, поэтому она и не говорила о них никому.

Бабушка ей обрадовалась, хотя едва ли умела это показать. Но Яра прожила с ней пятнадцать лет, знала ее достаточно хорошо, чтобы суметь разглядеть радость в чуть прищуренных глазах и в едва заметно приподнятых уголках аккуратно покрашенных губ. У бабушки и дедушки был большой двухэтажный дом, в котором Ярина комната все еще оставалась нетронутой, поэтому, спустя всего два дня, ей казалось, что она и не уезжала вовсе. Казалось, вот-вот к ужину придет дедушка, снимет галстук, бросит его на комод в прихожей под привычное ворчание бабушки, сядет за стол и начнет расспрашивать Яру об успехах в учебе.

– А у вас что нового? – поинтересовалась Яра, не желая углубляться в причины приезда. Едва ли Светка поймет, как можно устать от интересной и перспективной работы, да и Яра не готова делиться всеми деталями.

– О, у нас много всего нового! – возбужденно начала Свет-

ка, и Яра поняла, что одноклассница только и ждала момента, чтобы начать рассказывать. – Змеевку сейчас не узнаешь! Три магазина, кафе, детский сад отдельный, школа в новом здании, библиотека, поликлиника современная, не старый ФАП, анализы сдать можно, не надо в город ехать. Даже ночной клуб есть с фейсконтролем, прикинь? Малолетки тусуются в одном зале, совершеннолетние в другом, с баром и алкогольными напитками.

Яра хмыкнула. Можно подумать, это мешает школьникам пить самогон за углом, как делали они когда-то и безо всяких баров и фейсконтролей.

– В общем, деревня процветает, – продолжала Светка. – Поле за Березовой рощей под жилье отдали, там теперь уже три новые улицы есть, дома почти все заселенные. Из города к нам переезжают, у нас же теперь тут все есть. Мы немного переживали, не свернут ли все эти инновации после смерти твоего дедушки, но, слава Богу, новая администрация придерживается взятого им курса. Единственный минус – стройка этого треклятого пансионата, – вздохнула Светка, и Яра поняла, что одноклассница наконец подобралась к интересующей ее теме. Может быть, вообще весь разговор ради этого завела.

– Пансионата? – тоном, приглашающим к продолжению, спросила Яра. Про пансионат она еще ничего не слышала, бабушка не рассказывала.

– Даже не пансионат, а реабилитационный центр. При-

кинь, в декабре приехал к нам в поликлинику работать новый доктор. Сначала все обрадовались, но вскоре выяснилось, что он не простой терапевт. Уж не знаю, откуда у него деньги, но затеял он стройку вокруг Источника! Дескать, такое место не должно пропадать. Хочет построить там какой-то реабилитационный центр для психов! А оно нам надо? На нашем-то Источнике? Мы было сунулись к нему, а у него все бумажки имеются. В суд подали, но проиграли. Дескать, все законно, не прикопаешься. Поэтому вот, – Светка выудила из сумки планшет и кипу каких-то бумаг, сунула под нос Яре. – Мы подписи собираем против этой стройки. Подпиши тоже.

– Я?

– А почему нет? Ты же тут жила, тоже имеешь право высказывать свое мнение!

Чтобы высказывать свое мнение, сначала его нужно иметь, в этом Яра была убеждена. А она ни о какой стройке еще не слышала, поэтому, что об этом думает, не знала.

Источником назывался небольшой родник, бьющий из-под земли примерно в километре от деревни. Вода в нем была чистая, немного солоноватая. Анализы показывали, что она содержит минералы, но местные верили, что Источник по-настоящему целебный. Те, кто жил поближе, даже за водой к нему ходили каждый день. Приезжали и издалека люди, жаждавшие исцеления от различных заболеваний. Исцелялись ли, Яра не знала, но молва об Источнике разошлась

далеко за пределы окрестных деревень, а уж в Гадючем Яре и вовсе про него знали от мала до велика. Тот, кто собирался прибрать его к рукам, очень рисковал.

– И что, после постройки этого центра посещение Источника станет платным? – уточнила Яра, понимая, что едва ли кто-то выдал бы разрешение на стройку в таком случае.

Вот и Светка замаялась.

– Казаков этот говорит, что проход закрывать не будет, – нехотя призналась она. – Но мы же знаем, как это бывает! Сначала проход якобы для всех, а потом замок на ворота повесил – и все. Частная территория, что ты ему сделаешь? Так что, подпишешь?

Яра отрицательно мотнула головой.

– Пока у меня нет четкого мнения по этому вопросу, – сказала она. – Так что извини. Если решу, что ты права, подпишу позже.

Светка опустила руки, в которых все еще держала бумаги, отступила на шаг назад и полоснула Яру гневным взглядом.

– Значит, вот как? – процедила она. – Не с того ты, Ярка, начинаешь. Думаешь, если в столице живешь, если денег куры не клюют, то можно и на нас наплевать? Ну, как знаешь. Понадобится тебе что, не приходи. Нет у вас больше той власти, что раньше была, так что теперь не такая ты уже крутая. Подумай, с кем дружить лучше.

Выплюнув эти слова, Светка развернулась и пошла в сторону деревни, оставив Яру одну.

Правда была в том, что ни с кем дружить Яра не собиралась. Друзей у нее хватало, в Змеевку она приехала отдыхать. Но Светка всегда была слишком деятельной натурой, устроить Яре какие-нибудь неприятности для нее – раз плюнуть. Так что впредь следовало держать ухо востро. Ну и если кто-то порежет колеса на ее машине, Яра всегда сможет подкинуть полиции подозреваемого.

Светка оказалась права: деревня действительно изменилась. Теперь ее и деревней-то назвать язык поворачивался с трудом. Вместо пяти улиц, которые были в Ярином детстве, теперь насчитывалось около пятнадцати, вместо старых домов – двухэтажные коттеджи. Еще десять лет назад, когда Ярослава была здесь в последний осознанный раз, два этажа имел только домик главы местной администрации – дедушки Яры, Николая Васильевича Миронова. Теперь же дом, где жила уже только бабушка, казался обычным, старым, из прошлого века. Каким и был на самом деле.

Яра шла по улицам, разглядывала чужие дома и дворы и не узнавала места, в которых выросла. У новых домов не было огородов и пышных садов, порой за забором виднелась только аккуратная лужайка с подстриженной травой, иногда – клумбы с пушистыми гортензиями и гордыми розами. Никаких тебе привычных деревенским жителям мальв или цинний. Почти в каждом дворе виднелись горки и батуты для детей, надувные бассейны, а иногда и целые игровые комплексы. Но, как и прежде, по неасфальтированной дороге навстречу Яре неслись ватаги босоногих мальчишек или целые банды на велосипедах.

Новый магазин с незамысловатым названием «Фермерские деликатесы» вырос перед Ярой внезапно, как только

она завернула за угол очередной улицы. И это тоже было непривычным: раньше все общественные заведения располагались исключительно в центре деревни. Но теперь в центре просто не осталось места для всего, что построили за последние годы. Это во-первых, а во-вторых, деревня так разрослась, что жителям новых кварталов до прежнего центра было уже так далеко, что пришлось бы брать машину. А там и до города доехать можно, все равно за рулем.

Магазин, несмотря на банальное название, внутри оказался необычным. Просторное помещение было выполнено в стиле лофт. Серые неокрашенные стены грамотно подсвечивались многочисленными светильниками, создавая одновременно ощущение уюта, но не пряча представленный ассортимент в тени. Стеллажи и холодильники располагались в основном вдоль стен, а в центре магазина стоял прилавок и несколько высоких столиков, за которыми можно продегустировать продукцию.

Ассортимент отличался от того, что привыкла видеть в сельских магазинах Яра, и поистине не уступал какому-нибудь подобному заведению в городе. Здесь не было ни стиральных порошков, ни ведер с резиновыми сапогами, а только то, что по-настоящему имело право называться фермерской продукцией: различные сыры, домашние колбасы, выпечка, овощи, фрукты...

Яра оказалась в магазине одна, поэтому продавщица, увидев ее интерес, тут же подскочила к ней.

– Добрый день! – вежливо поздоровалась она. – Могу я вам что-то подсказать?

– Можете провести мне экскурсию, – согласилась Яра. – Я у вас первый раз.

Продавщица заметно воодушевилась. Ее лицо Яре было незнакомо, из чего она сделала вывод, что женщина – кто-то из новоприбывших в Змеевку. То ли жительница новых кварталов, то ли, может, вышла замуж за кого-то из местных. На вид ей было примерно столько же, сколько и Яре, так что вполне могло статься, что она приехала сюда уже после того, как сама Яра уехала.

– Наш магазин очень необычный! – начала рассказывать продавщица, на бейдже которой Яра разглядела имя Елена. – Все продукты здесь местные. У нашего хозяина обширные плантации в окрестностях Змеевки, все овощи, фрукты и ягоды выращиваются там. С минимальными обработками химией, сами понимаете, совсем без нее не обойтись.

Елена чуть заискивающе улыбнулась, а Яра понимающе кивнула. Ей всегда было смешно слышать о том, что фермерское – значит, ничем не обработанное. Она уже считала себя столичным жителем, привыкла к большому городу и его как достоинствам, так и недостаткам, но и прежнюю деревенскую жизнь не забыла. Не забыла, как каждое лето в каждом огороде проходила самая настоящая битва за урожай. Бились и с вредителями, и с сорняками, и даже с солнцем и дождем. И пусть у Яриных бабушки и дедушки не бы-

ло огорода, но у них был сад, а у Яры были друзья. И она знала, что без химии никогда ничего не вырастить, особенно в промышленных масштабах. Все зависит от того, какой химией и как пользоваться. И ей нравилось, что Елена не врет, а говорит об этом открыто.

– Животные наши тоже питаются только лучшим кормом. Сыры, творог мы делаем сами, колбасы тоже. Это раньше в сельском магазине можно было купить грабли, зато днем с огнем не сыщешь яиц, потому что у каждого во дворе свои куры, сейчас же все изменилось. В Змеевке много тех, кто переехал из города ради жизни на природе, кто не держит никаких животных, кроме породистых кошек, а потому товар у нас не залеживается.

Елена продолжала щебетать, изредка прерываясь на других посетителей, забежавших за продуктами. Не забывала она при этом предлагать Яре продегустировать все, о чем рассказывает, и к концу ее рассказа Яра поняла, что ужинать сегодня уже не будет. Продукция на самом деле оказалась безумно вкусной и ничуть не уступала тем деликатесам, которые Яре приходилось пробовать в городе. Только стоила намного дешевле. Поэтому вышла из магазина Яра уже лишь тогда, когда на улице начало темнеть. Две огромные сумки, забитые доверху, оттягивали руки, и Яра пожалела, что цивилизация в виде такси до Змеевки еще не добралась. Она бы определенно воспользовалась.

Чтобы немного сократить путь, Яра не пошла по осве-

щенной дороге, а свернула к старому зданию, где раньше располагалась школа. Здесь, на большом стадионе, Яра как-то рассекла себе бровь так, что шрам остался до сих пор. Здесь они бегали кроссы, сдавали нормативы по прыжкам в длину, а после, уже став постарше, пили пиво и целовались с мальчиками. Улыбнувшись воспоминаниям, Яра спустилась вниз, поскольку школа и стадион располагались в низине, и пошла по выщербленному асфальту, бывшему когда-то беговой дорожкой.

Одноэтажное здание с темными окнами почему-то внушало тревогу. Яра не привыкла видеть его таким. Когда-то в нем кипела жизнь, и даже летом по вечерам светилося как минимум одно окно, где дежурил кто-то из школьных учителей. У местного директора был бзик по этому поводу: он считал, что школьный стадион – не место для проведения досуга, и до поздней ночи оставлял в школе дежурных. Правда, ученики восприняли это как вызов и каждый день умудрялись проникать на стадион. Сейчас же все окна были непривычно темными. Не горели и фонари, которых и раньше было немного, по земле стелился плотный туман.

Весь Гадючий Яр – Змеевка и еще с десятков деревень, озеро Зеркальное и большой лес, богатый грибами и ягодами, – располагался в низине и был окружен холмами. Туманы здесь не были редкостью, но именно школа в Змеевке находилась ниже всего, в нее первую приходила осень. Во всех остальных местах еще царило лето, а здесь по вечерам уже

свисал с турников ключьями туман, «плакали» по утрам окна, а с северной стороны бесполезно было сражаться со мхом и плесенью на стенах. В Ярином детстве дети, не любившие учиться, говорили, что даже место, на котором построена школа, проклято.

Яра ускорила шаг. Пакеты оттягивали руки, постепенно спускаясь по пальцам все ниже и ниже, прохлада летнего вечера приподнимала волоски на обнаженных руках. Или их приподнимал страх? Яра говорила себе, что она уже слишком взрослая для того, чтобы бояться, и тем не менее в памяти сам собой всплыл эпизод, о котором она старалась вспоминать как можно реже.

Ей тогда было всего восемь. Второклашка, задержавшаяся допоздна в школе, поскольку до этого месяц болела и пропустила по математике важную тему, без которой не могла понять следующую. Тему с легкостью объяснил бы дедушка дома, но строгая Анфиса Марковна велела Яре остаться после уроков, желая объяснить все самостоятельно.

Яра и Анфиса Марковна вышли из школы последними. Дверь за ними закрывал уже сторож. Часы показывали всего начало седьмого вечера, но на дворе стоял морозный бесснежный декабрь, и было уже очень темно.

– Проводить тебя? – спросила Анфиса Марковна, но Яра смело мотнула головой.

Ей ведь уже исполнилось восемь, она ничего не боялась. Тем более всего лишь пройти-то через школьный стадион,

где есть целых два фонаря, и выйти на дорогу. Хулиганов Яра не боялась, никто из своих не посмел бы обидеть внучку Николая Васильевича Миронова, а чужих здесь не водилось. Она, конечно, слышала многочисленные рассказы о школьном стадионе от старших ребят, знала, что те стараются не находиться здесь вечером поодиночке, но считала, что это просто пугалки для младших. И только когда Яра миновала один фонарь, а до второго оставалось еще метров пятьдесят, она услышала за спиной шаги. Кто-то шел за ней, и кто-то большой, потому что на три ее шага приходился один того, кто сзади.

Яра обернулась, но никого не увидела. Первый фонарь остался далеко, позади нее была лишь темнота. И в темноте этой кто-то был. Когда Яра остановилась, он остановился тоже, но, стоило ей сделать шаг вперед, он тоже пошел. И тогда Яра побежала. Она бежала, сжимая в руке школьный рюкзак, захлебывалась ужасом и слышала позади себя отчетливые шаги. Теперь это был уже не один преследователь, а несколько: шаги слышались нестройные, но четкие.

Яра добежала до света второго фонаря и снова обернулась. Теперь она видела тех, кто ее преследовал: это были два маленьких жеребенка. Но Яра точно знала, что им неоткуда здесь взяться. Ни у кого из соседей не было жеребят такого возраста, а на колхозном дворе лошади не приносили потомства много лет. Там доживали свой век три старые клячи, которые уже дышали с трудом, какие им жеребята?

Умирая от ужаса и сама не отдавая отчета своим действиям, Яра раскрыла рюкзак, вытряхнула из него содержимое и отыскала в пенале острый карандаш. Замерзшая земля к ночи подернулась инеем, поэтому тонкий стержень легко начертил на нем линию: Яра нарисовала круг вокруг себя. Она видела в каком-то фильме, что таким образом можно защититься от нечистой силы, и сейчас это было единственным, что пришло ей на ум.

Жеребята подбежали к ней в тот момент, когда линия замкнулась в неразрывный круг. Несколько бесконечно долгих минут они бегали вокруг Яры, но линию не пересекли. Яра сидела на мерзлой земле ни жива ни мертва и смотрела на жеребят. Те то выглядели самыми обычными, живыми и теплыми лошадиными детьми, то вдруг Яре казалось, что она видит сквозь них очертания школьных турников. Сколько времени прошло, Яра не знала, но, когда жеребята наконец убежали, она не сразу решилась покинуть свое убежище. Лишь когда пухлая луна показалась из-за верхушек деревьев, Яра подхватила рюкзак и бегом бросилась домой.

Бабушка и дедушка были напуганы не меньше нее. Высокую стройную фигуру Полины Андреевны в оконном проеме Яра разглядела издалека, а на пороге ее уже ждал и Николай Васильевич, готовившийся отправляться на поиски. Яра, отпоянная чаем с каким-то травами, рассказала про жеребят, надеясь, что бабушка и дедушка найдут этому объяснение. Но дедушка лишь жевал губы под пышными усами, а бабуш-

ка велела никому не рассказывать, чтобы над ней не смеялись и не называли фантазеркой, а то и похуже.

Анфиса Марковна Яру больше после уроков не оставляла. Ей об этом не говорили, но Яра как-то подслушала, как бабушка рассказывала кому-то по телефону, что дедушка сделал внушительное замечание и самой Анфисе Марковне, и директору школы. С тех пор всех детей отпускали по домам еще засветло, а в школе оставались дежурить учителя до позднего вечера и провожали до ворот тех ребят, кто по каким-то причинам задерживался.

Еще несколько раз в детстве Яра видела странные вещи, но больше никому не рассказывала, помня слова бабушки. Дедушка лишь как-то обмолвился, что она необычная девочка, потому и видит то, что другие лишь слышат и чувствуют, но позже Яра где-то вычитала, что все дело в холмах, окружающих Гадючий Яр. От них причудливым образом порой отражаются звуки, поэтому в низине и возникают слуховые галлюцинации. Возможно, и зрительным есть какое-то объяснение вроде богатой детской фантазии, помноженной на страх, Яра не знала. Но хорошо помнила тот ужас, который испытала, когда сидела на земле и смотрела на бегающих по кругу жеребят.

Прошло больше двадцати лет с тех пор, Яре давно не восемь, а уже целых тридцать два, у нее высшее образование и куча журналистских расследований за плечами, но сейчас, оказавшись в темноте в низине школьного стадиона, она

вдруг вспомнила тот страх. Вспомнила и испугалась снова. Только теперь у нее не было пенала с острым карандашом, в случае чего рисовать круг на земле придется коробкой местной рикотты.

Рассмешив себя подобными мыслями, Яра быстро пересекла школьный стадион, но не удержалась от выдоха облегчения, оказавшись на освещенной улице. Эта часть деревни была старой, молодежь сюда приезжала разве что на каникулы к бабушкам и дедушкам, а старики по темноте не ходили, предпочитали проводить вечера дома перед телевизором, поэтому Яра никого не встретила.

Бабушка удивилась столь позднему ее возвращению, но, увидев набитые доверху сумки, усмехнулась:

– Смотрю, ты наведалась в наш новый магазин.

Яра поставила сумки на стол и принялась вытаскивать содержимое.

– Честно говоря, не ожидала такого выбора в деревенском магазине, – призналась она, разглядывая упаковки. – Цивилизация добралась и сюда.

Полина Андреевна подошла ближе, взяла в руки упаковку сливок.

– Я удивлена, что ты ходила в этот магазин, – заметила она.

– Почему?

– Учитывая, кто его владелец.

Яра осторожно положила сыр на стол, посмотрела на ба-

бушку. Наверное, она уже знала ответ, но все равно спросила:

– Кто?

– Денис Соколов.

Яра почувствовала, как вспыхнули щеки. Столько лет прошло, а она все еще реагирует на это имя! Бабушка следила за ее реакцией внимательно, как ученый-исследователь наблюдает за экспериментом, и Яра никак не могла понять, чего именно она ждет.

– Вот как? – нарочито холодно произнесла Яра, хотя ощущала, как пылает лицо. – Не знала, что он остался жить здесь.

– Остался, – кивнула Полина Андреевна. – И неплохо развернулся, должна заметить. Скупил несколько участков в соседних полумертвых деревнях, привел в порядок, снес дома, выкорчевал заросли. У него несколько теплиц, три, кажется, поля, небольшая животноводческая ферма. Сыроварня своя. Продукция качественная, вкусная, в магазин из соседних деревень и даже из города приезжают. Слышала, что собирается еще один открывать, уже в самом городе.

Яре очень хотелось спросить, женат ли он, но она не стала. Показалось, что бабушка ждет этого вопроса, а Яре почему-то не хотелось быть ее подопытным кроликом.

– Значит, вкусная продукция, говоришь? – нарочито равнодушно переспросила она. – Тогда давай пить чай и дегустировать.

Полина Андреевна усмехнулась каким-то своим мыслям

и отправилась ставить чайник.

Ярославе не спалось. Время давно перевалило за полночь, приближалось к часу ночи, а она все еще крутилась в кровати, вытаращив глаза в темноту, как сова в лесу. В конце концов решив, что так просто сон ей не поддается, она откинула в сторону тонкое одеяло и опустила ноги на прохладный пол. Окна ее спальни выходили на север, поэтому в ней всегда было чуть прохладнее, чем в остальном доме. Яре это нравилось, она не терпела жару. Накинув на пижаму тонкий кардиган, Яра вышла из спальни.

Бабушкина комната располагалась напротив, дверь в нее была приоткрыта. Как Яра не терпела жару, так бабушка ненавидела духоту и замкнутые пространства, поэтому в спальне всегда оставляла дверь открытой. Осторожно прокравшись мимо комнаты бабушки, Яра спустилась на первый этаж, пересекла просторную гостиную и вышла в сад.

Дом Мироновых в Змеевке когда-то считался самым большим и красивым. Он единственный долгое время насчитывал два этажа, был построен из кирпича, а не из дерева и – чудо невиданное – имел в гостиной и на кухне большие стеклянные окна в пол, которые гораздо позже стали называть французскими. Окна эти открывались как двери, и через них можно было выйти в сад. А сад был настоящей гордостью Николая Васильевича, дедушки Яры. Здесь росли не только

привычные деревенским жителям яблони и вишни. Были тут и сливы, и груши, и черешни, и даже абрикосы. Дом и сад возникли задолго до Яринога рождения, дом Мироновы построили сразу после свадьбы, а потому Яра помнила сад уже большим и цветущим. И теперь сразу заметила, как он изменился. Прошло меньше года после смерти бабушки, но сад будто чувствовал, что хозяина больше нет. Бабушка нанимала людей, чтобы они по-прежнему ухаживали за деревьями и кустарниками, стригли траву и подметали дорожки, но деревья ощущали, что делается это уже без прежней любви. Бабушка говорила, что яблони плодоносят в этом году гораздо хуже, на черешню напала тля, которую с трудом удалось вывести, а абрикос, обычно раньше других утопающий в нежно-розовых цветах по весне, в этом году даже не цвел. Яра и сама видела, что яблок на ветках намного меньше, чем было когда-то в ее детстве.

Оставив дом позади, Яра прошла в глубь сада, села на лавочку у старой вишни. Надо было просто выпить теплого молока и вернуться в постель, вместо того чтобы дышать свежим воздухом и еще сильнее отгонять сон, но молоко в холодильнике было из магазина «Фермерские деликатесы», и Яре казалось, что, выпив его, она еще сильнее погрузится в воспоминания и тогда уж точно не уснет до утра.

С Денисом Соколовым Яра когда-то училась в одном классе. В то время школа в Змеевке была маленькой, детей в нее ходило немного, несмотря на то, что она была един-

ственной на весь Гадючий Яр. Несколько лет они с Денисом сидели за одной партой, но большой дружбы не водили. В пятнадцать мама забрала Яру в город, чтобы школу она окончила там, подтянула знания по необходимым предметам и поступила в престижный университет. Почему-то мама считала, что в деревне Яре никогда не получить тех знаний, которые помогут ей в жизни.

Яра выбрала журналистику. Поступила на бесплатное, хотя что у мамы, что у бабушки хватило бы средств оплатить ей учебу. Но Яре нравилось учиться, и хоть красный диплом она не получила, но считалась перспективной выпускницей. После получения диплома Яра на месяц приехала погостить к бабушке с дедушкой, туда же приехал и Денис, который тоже, как выяснилось, закончил университет в городе. Не в столице, как Яра, и не такой престижный, но все же.

Роман между ними завязался быстро. В пятнадцать, когда они виделись в последний раз, оба еще были детьми, в двадцать два уже стали взрослыми и оказались интересными друг другу. Они могли болтать часами, а потом просто бродить по окрестностям, держась за руки и думая о своем. Им нравились одинаковые книги и фильмы, а если мнения в чем-то расходились, они спорили упоенно, доказывая свою точку зрения. Это были не ссоры, а именно споры, в которых, как известно, рождается истина. Это была такая сильная любовь, которая сметает все на пути, ломает любые преграды. Через месяц Яра не уехала в город. Через два приехала ма-

ма, кричала и обвиняла дочь в том, что она разрушает собственную жизнь. Яра не слушала. Яра всегда была слишком упряма, чтобы кого-то слушать.

Свадьба должна была состояться в декабре. Яре мечталось, что вокруг будет много снега, но ее белое платье все равно будет белее. Яра любила Дениса так сильно, как только можно любить в двадцать два года. И Денис, как ей казалось, отвечал тем же. Он не мог уехать из Змеевки по определенным обстоятельствам, и Яра собиралась искать работу в какой-нибудь газете в ближайшем городке.

Но уже в октябре Яра закинула в сумку вещи и уехала на вокзал, чтобы не возвращаться в Змеевку долгих десять лет. Мама была рада, бабушка и дедушка приняли ее выбор, хотя никому, ни одной душе она не рассказала о причине такого решения. Она и сама попыталась о ней забыть.

Диплом престижного университета и мамины связи позволили ей быстро найти хорошую работу. За десять лет Яра несколько раз меняла издания, в которых работала, но везде ее ценили и хвалили. Яра занималась тем, что ей нравилось, и в конце концов убедила себя в том, что все в жизни происходит к лучшему. Вышла бы она замуж за Дениса, писала бы статейки об уборочной компании или награждении комбайнера-передовика, может, уже парочку детей родила бы. Никто не вчитывался бы в ее имя под очередной статьей. А теперь она – Ярослава Миронова. Журналистка, уже одно только имя которой является знаком качества. Ей

дают интервью сильные мира сего, ее расследований боятся те, кому есть что скрывать. Для нее открыты почти любые двери. У нее есть пусть небольшая, но своя квартирка в центре столицы. Она ездит отдыхать туда, куда хочет, а не куда хватает денег. Ее романы легки и длятся ровно столько, сколько ей нужно. Разве было бы у нее все это, если бы десять лет назад она вышла замуж за Дениса Соколова?

Тем не менее разбереженная память не давала ей уснуть. Невыносимо захотелось курить, но тут уж Яра была верна своему слову: приехав в деревню на несколько месяцев, чтобы отдохнуть, она собиралась в том числе и завязать с курением. В последнее время она курила слишком много, даже сама это понимала. Чтобы как-то заглушить желание вернуться в дом и найти в чемодане запасную пачку, Яра сорвала в дерева яблоко и с хрустом откусила его. Яблоко было еще зеленое и твердое, но уже достаточно сочное и не противное.

Вдалеке слышались голоса, и Яра опустила яблоко вниз, чтобы не хрустеть им громко и не обозначить свое присутствие. Вдруг это кто-то из старых знакомых? Болтать ни о чем или – еще хуже – снова о стройке реабилитационного центра ей не хотелось. Однако вскоре выяснилось, что это молодежь возвращается с танцев. Деревенская дискотека, на которую ходила когда-то Яра, как и все в деревне, находилась в самом центре, новый же ночной клуб, о котором рассказывала ей днем Светка, расположился на окраи-

не, как раз по той улице, где находился и дом Мироновых. И вот молодежь после танцев разбредалась по домам.

Толпа была шумной и многолюдной. Лавочка, на которой сидела Яра, стояла близко к забору и дороге, но пряталась в тени раскидистых деревьев, поэтому ее с улицы никто не мог разглядеть, а Яра хорошо видела все, что происходит на освещенной пухлой луной дороге. Фонари в деревне на ночь выключали, поэтому только на небесное светило и была надежда.

Основная часть молодежи с веселым гоготом ушла чуть вперед, позади осталась лишь одна парочка. И, будто специально дождавшись, когда друзья скроются в темноте, парень притянул девушку к себе за руку и впился в ее губы поцелуем. Яра тихонько хмыкнула. Когда-то она так же целовалась с парнями, возвращаясь с дискотеки.

Поцелуй продлился недолго, вскоре девушка оттолкнула парня и раздраженно сказала:

– Я тебе не разрешала!

Парень лишь рассмеялся в ответ и снова притянул ее ближе.

– А мне не нужно твое разрешение.

Яра тихонько поднялась, следя за разворачивающимися событиями, собираясь при необходимости прийти на помощь девушке, но очень скоро выяснилось, что помощь той не нужна, а ее недовольство было лишь кокетством. Когда парень будто вампир впился ей в шею, она расхохоталась

и стукнула его по голове.

– Ромка, отпусти, козел! – страстно выдохнула она, и даже Яра в ее словах слышала «продолжай!»

Вот из-за таких, как эта девушка, парни потом и считают любое женское «нет» как «да». Сколько изнасилований произошло по той причине, что парни не додумываются: «нет» значит «нет». И если тебе сказали «нет», просто уходи. Если дурочка при этом имела в виду «да», то сама виновата, в следующий раз будет выражаться яснее.

Парочка тем временем спустилась с дороги, парень прижал девушку к забору всего в каких-то двух метрах от Яры.

– Не ломайся, Стася, я же знаю, что ты хочешь!

Яра видела, что Стася и не ломается. Прижимает голову парня к своей груди, а руки того уже, должно быть, давно у нее под юбкой. Не желая быть свидетельницей неуместных сцен, Яра осторожно двинулась в глубь сада. Хотелось, как старой бабке, поворчать о том, что в ее время такого бесстыдства не было, но этим Ромке и Стасе явно больше пятнадцати, а в более старшем возрасте Яра на местные дискотеки уже не ходила. И сейчас не удивилась бы, если бы выяснилось, что бывало и похуже.

Обойдя дом, Яра вышла на вторую дорогу. Та была не центральной и освещалась только луной. Далеко на востоке небо то и дело озарялось вспышками молний, но грома не было слышно. Значит, зарницы. Вспомнилось, как соседские бабушки в детстве пугали, что, если на небе полыхают зар-

ницы, — быть беде. Ярина бабушка таких суеверий никогда не повторяла, но в детстве Яра верила, что так и есть.

Сколько прошло времени, Яра не знала, как вдруг боковым зрением ей почудилось на дороге какое-то движение. Подойдя ближе к забору, Яра прильнула к нему и посмотрела вправо. Сначала ей ничего не было видно в предрасветной мгле, а потом вдруг из темноты, будто нарисованные, стали появляться очертания всадников на лошадях. Яра почувствовала, как сердце пропустило удар. Мало того, что всадникам неоткуда было взяться на дороге среди ночи, ведь в той стороне тупик, уходящий в лес, так еще и лошади, и люди казались раза в полтора больше обычных. Тем не менее это не было галлюцинацией. Всадники приближались, Яра уже могла сосчитать их: четыре.

Боясь привлечь к себе внимание, Яра медленно отступила назад, прижалась спиной к растущей позади груше. Всадники поравнялись с ней, и только тогда Яра поняла, что не слышит ни цокота копыт, ни хриплого ржания лошадей, ни звонкого стука железных доспехов, которые были надеты на всадниках. Все происходило в полной тишине, и это пугало еще сильнее.

Три всадника пронеслись мимо, но последний, четвертый, вдруг остановился. Яра стояла ни жива ни мертва, во все глаза смотрела на словно сошедшего со страниц книги рыцаря, а тот медленно повернул голову и уставился на нее. В темноте и с большого расстояния Яра не могла рассмотреть его

глаз в узкой щелке шлема, но была уверена, что он ее видит.

И тогда она приняла единственно правильное решение: сорвалась с места и, не разбирая дороги, бросилась к дому. Яра не знала, перемахнул всадник через забор и преследует ее или же остался на дороге и лишь провожает насмешливым взглядом. Она бежала и желала одного: как можно скорее очутиться в доме. Ворвавшись в гостиную, Яра захлопнула за собой двери с такой силой, что едва не вышибла стекла в них, взлетела по лестнице на второй этаж, забежала в комнату и нырнула на кровать, с головой накрывшись одеялом.

Оказавшись в безопасности, Яра вдруг в полной мере осознала всю глупость своего поведения. Ей тридцать два года, она взрослая женщина с высшим образованием, десять лет прожившая в большом городе, а ведет себя как глупая деревенская баба девятнадцатого столетия. Увидела на ночной дороге призрачных всадников и струхнула так, будто в десять лет пошла на спор ночью на кладбище.

У нее просто галлюцинации. Она выпила вина за ужином. Ей все показалось. От холмов отражаются звуки и образы. Или вовсе где-то рядом снимают кино. Вот она и увидела часть съемочного процесса.

Яра расхохоталась. И смеялась как безумная, пока из глаз не покатились слезы. Поистине, глупость человеческая безгранична. Но вылезать из-под одеяла и идти на улицу проверять, не стоят ли на дороге операторы с камерами, она не рискнула.

– Кино? – удивленно переспросила бабушка. – Не слышала. Никогда в наших местах никаких фильмов не снимали. А почему ты спрашиваешь?

– Да так, – Яра как можно безразличнее махнула рукой. – Ночью видела каких-то ряженных на дороге, вот и подумала.

– Ряженных? – в голосе бабушки послышалось искреннее любопытство.

Яра хорошо помнила наказ бабушки никому не рассказывать о том, что видела. Пронесла этот наказ через все детство и юность. Боялась, что ее сочтут сумасшедшей или будут насмехаться. Справедливости ради, с возрастом она видела странных вещей все меньше, а после того, как уехала из Змеевки, и вовсе перестала. Не было в ее жизни больше ни жеребят ночью, ни летающих в небе великанов, ни светящихся глаз в темном углу, донимавших ее в детстве. А профессия научила вытаскивать на свет из этих самых темных углов любые тайны. Вот она и призналась бабушке:

– Это были всадники. Четверо рыцарей, закованных в доспехи, на лошадях. Они были раза в полтора больше обычных людей и скакали будто по воздуху.

Бабушка поджала губы, ничего не ответила. А Яра, внимательно наблюдавшая за ней, узнала на ее лице то же выражение, что видела много лет назад.

– Все, как в детстве, да? – спросила она. – Я видела таких же призраков в детстве?

– Они были разными, – нехотя призналась бабушка.

– Но ты тогда посчитала их моими фантазиями. Почему передумала сейчас? Тоже видела?

– Я – нет.

Полина Андреевна сделала акцент на слове «я», и Яра догадалась почему.

– А дедушка?

– Он видел. Это у тебя от него.

– Мама?

– Тоже видела. – Бабушка вздохнула. – Мне иногда кажется, она потому и не приезжает сюда. Твоя мама – человек науки. А то, что она видит тут, не укладывается в ее представление о мире. Люди не любят того, чего не понимают. Вот твоя мама и избегает приезжать.

– Но что это? Почему мы это видим?

Полина Андреевна пожала плечами.

– Откуда мне знать? Я же не вижу. Давай лучше завтракать! Омлет хочешь?

Омлет Яра хотела. Сильнее, чем вести разговоры о призраках. Утром она чувствовала себя невыспавшейся, что неудивительно, если учесть, что уснула практически на рассвете, а проснулась в девять часов: многолетняя привычка не спать долго давала о себе знать. Положение наверняка спасла бы чашка крепкого кофе, но выяснилось, что кофе

у бабушки нет. Ни крепкого, ни слабого, ни даже банального растворимого.

— Я не люблю его вкус, — пожалала плечами Полина Андреевна. — Еще когда твой дед был жив, мы держали в шкафу запасную банку, он порой мог выпить чашку, если приходилось много работать. А после его смерти я такого не держу. Но если ты хочешь, кафе открывается в семь, и там наверняка подают кофе.

Кофе Яра хотела еще сильнее омлета. Даже не просто хотела, испытывала жизненную необходимость. Это было странно и приятно: иметь возможность выпить чашку свежесваренного кофе даже в деревне. И Яра собиралась ею воспользоваться.

Двор покидала через запасную калитку, которая выходила как раз на внутреннюю дорогу, хотя через парадный вход было бы ближе. Но Яра хотела найти на земле следы от лошадиных копыт и увериться, что ночное происшествие ей не приснилось.

Следов не было. Дорога была покрыта мелким песком, на котором хорошо отпечатывался каждый след, и Яра четко видела, что никаких копыт там нет. Может быть, ей и вовсе все привиделось? В детстве она видела разное, потому что обладала богатой фантазией. Не стала бы журналистом, писала бы книги. А сейчас, после возвращения Яры в родные места, фантазия разыгралась снова.

Но бабушка сказала, что дедушка и мама тоже что-то ви-

дели...

Яра предпочла об этом сейчас не думать. Она приехала отдыхать – вот и будет отдыхать, а не копать в себе или, еще того хуже, в неизведанном. Пусть она не была ученым, как ее мама, но и к уфологам – или кто там изучает все аномальное? – себя не относила.

Кафе представляло собой небольшое одноэтажное здание, бывшее когда-то маленьким домиком бабки Маруси. Яра еще помнила сухонькую старушку, чье лицо напоминало ей печеное яблоко: до того оно было сморщенное, но при этом румяное. Бабка Маруся умерла, еще когда Яра ходила в школу, с тех пор ее дом стоял пустой, а двор потихоньку зарастал бурьяном. Дом находился хоть и в центре деревни, но чуть в стороне от дороги, поэтому в глаза не бросался. Яра слышала однажды, как дедушка говорил кому-то, что у бабки Маруси есть наследники, а потому отойти государству участок не может. И вот, видимо, дом этот у наследников кто-то купил.

От прежнего домика бабки Маруси мало что осталось. Здание отремонтировали, покрасили в нежно-голубой цвет, старую шиферную крышу заменили новой из гибкой черепицы. Увеличили оконные проемы, а во дворе соорудили настоящую летнюю террасу с милыми деревянными столиками и стульями, а также висящими под крышей горшками с петунией. Дверь кафе была распахнута настежь, и оттуда доносились звуки фортепиано. И Яра могла бы поклясться, что

кто-то играл вживую, это не запись. Столики на террасе пустовали, но через большие окна Яра видела, что внутри кафе народ есть.

В помещении упоительно пахло свежей выпечкой и – что особенно приятно – свежемолотым кофе. Если до этого Яра и переживала, что возлагает слишком большие надежды на деревенское кафе, то теперь все опасения развеялись. Здесь она определенно получит желаемое.

Внутри было всего три столика, а большую часть пространства, не считая витрины, занимало фортепиано, за которым сейчас сидел высокий черноволосый мужчина и, прикрыв глаза, играл какую-то легкую мелодию. Длинные пальцы проворно перемещались по клавишам, выбивая из них поистине волшебные звуки.

Кофе, напомнила себе Яра. Сначала кофе.

За барной стойкой уже приветливо улыбалась молоденькая девчушка, и Яра сразу направилась к ней.

– Большой американо, пожалуйста, – первым делом заказала она, а потом добавила: – А через минут десять еще холодный латте и пирожное на ваш вкус.

– Пирожное без сахара? – профессионально поинтересовалась девушка, чем удивила Яру еще сильнее: то есть тут не просто кафе, но еще и с элементами здорового питания?

– С сахаром, – решила она. В конце концов, она уже бросает курить, должны же оставаться в жизни хоть какие-то радости.

Расплатившись, Яра огляделась, решая, где сесть. В помещении работал кондиционер, поэтому выходить на улицу не было никакого желания. Более того, Яра внезапно поймала себя на мысли, что хочет остаться внутри в том числе и для того, чтобы послушать виртуозную игру неизвестного музыканта. Из трех столиков один был занят воркующей парочкой, поэтому Яра выбрала тот, что стоял в самом углу. Оттуда было хорошо видно и все помещение, и музыканта, но сама она в глаза не бросалась.

Официантка спустя пару минут принесла ей чашку с дымящимся напитком и, немного потоптавшись у стола, спросила:

– А вы же Ярослава Миронова, правда?

Яра удивленно посмотрела на девушку. На вид той было лет двадцать, поэтому, даже если она коренная жительница деревни, Яра могла ее не помнить.

– Она самая, – осторожно подтвердила она.

Девушка расплылась в улыбке.

– Меня Катя зовут, – представилась она. – Я тоже на журналиста учусь. Ваши статьи всегда читаю, очень горжусь, что мы с вами из одной деревни. Я Виктора Разумова дочка.

Яра наконец-то вспомнила. Виктор Павлович Разумов работал в их школе, преподавал одновременно математику, физику и информатику. Яра помнила даже его дочку, которая на тот момент была совсем крохотной. Кажется, ей было года два, когда Яра видела ее в последний раз перед тем,

как уехала к маме в город. Надо же, уже на журналиста учить-ся!

– Мама не хотела, чтобы я на журфак шла, – призналась Катя, все еще топчась у столика, – а папа мое решение поддержал. Вас в пример привел. Правда... – Девушка замялась и неловко улыбнулась, и Яра догадалась, что именно ее смутило.

– Мама ответила, что у моей семьи просто были средства устроить меня на хорошую работу?

Катя кивнула и покраснела.

– Могу вас заверить, что на работу я устроилась сама. И в университет поступила сама. Так что даже без денег вы сможете добиться успехов.

Катя расплылась в улыбке, а Яра предложила:

– Присядете? В кафе пока никого нет, можем поболтать.

Катя покраснела еще сильнее, но на краешек стула села, а Яра внезапно почувствовала себя чуть ли не местной звездой. Катя расспрашивала ее и об учебе, и о работе, делилась своими скромными успехами, а Яра поймала себя на мысли, что ей, вопреки ожиданиям, этот разговор не в тягость. Если получится вдохновить девочку, почему нет? Будет приятно сделать что-то хорошее в этой жизни, не одними же разоблачениями жить.

– А здесь ты что делаешь? – Яра обвела взглядом кафе. – На каникулах подрабатываешь?

Катя кивнула.

– Это мамино кафе. Она его открыла четыре года назад. Сначала дела шли не очень, но теперь не жалуемся. Народу в деревню много переехало, бывшегородским нравится, что у нас и кофе хороший, и выпечка всегда свежая. Сейчас утро, поэтому народу мало, а после обеда, бывает, и сесть негде, навынос берут. И так уж повелось, что в августе я тут работаю, мама с папой в отпуск уезжают. Выпечкой Галина Антоновна занимается, она когда-то в школе столовой заведовала, а теперь к нам перешла.

Галину Антоновну Яра помнила. Что-что, а столовая в их школе всегда была на высоте. Дедушка строго следил, чтобы работники не обворовывали школьников, не таскали домой сумки продуктов, да и директору нравилось получать районные награды.

– Мне остается только кофе варить да за залом следить, – закончила Катя.

– А с музыкантом чья идея? – Яра кивнула в сторону фортепиано.

Мужчина теперь играл что-то тихое и грустное, но не менее красивое. Катя тоже посмотрела в ту сторону, склонила голову набок, заслушавшись.

– Мама сначала фортепиано для антуража поставила. Это тоже наше школьное, в музыкальном зале стояло. А когда старую школу закрывали, многие вещи в новую не переносили, распродавали. Вот мама и купила. Оно у нас для красоты стояло, пока Артур Александрович не приехал. Мама рас-

сказывала, что он зашел как-то к ней за кофе, увидел фортепиано, попросил разрешения поиграть. Мама удивилась, конечно, но как не разрешить? Докторов в деревне испокон веков уважают. Правда, оказалось, что фортепиано расстроено. Так он за свои деньги вызвал мастера из города, тот все настроил, и теперь доктор почти каждый день поиграть приходит. Честно говоря, – Катя понизила голос и наклонилась к Яре, – по вечерам у нас целые толпы собираются специально его послушать. Мама ему предлагала кофе в подарок наливать, но он отказывается каждый раз. Говорит, что ему приятно у нас играть и без бесплатного кофе, заплатить он в состоянии.

Яра снова посмотрела на прямую спину сидящего за инструментом мужчины.

– Значит, это тот самый Артур Казаков, который собирается строить реабилитационный центр возле Источника? – уточнила она.

Катя с энтузиазмом кивнула.

– Некоторые у нас его недолюбливают, Света Повалиева вообще травлю развернула, но большинство поддерживает.

– В самом деле? А как же опасения, что он закроет доступ к Источнику?

– Во-первых, он обещал не закрывать, – основательно начала Катя. – А во-вторых, и что с того? Это только бабки старые с этим Источником носят, а по факту в нем самая обыкновенная минеральная вода, нет ничего волшебного.

Как обычный источник он бесполезен, зато вот, если пансионат вокруг будет, это ж какой приток людей в деревню! Она у нас и так развивается семимильными шагами после того, как вашему дедушке удалось окрестные поля в жилой фонд перевести. Вон сколько домов строится, сколько людей переезжает, какая инфраструктура у нас теперь! Реабилитационный центр – это же тоже дополнительные люди, а значит, дополнительное развитие, рабочие места. Большинство в Змеевке это понимает, поэтому и носится Повалиева со своим списком, никто подписи ставить не хочет.

В кафе зашли две девушки, и Катя быстренько вернулась за стойку, а Яра снова посмотрела на Казакова. Вот не зря она не стала подписывать никакие прошения Светки. Журналистский опыт сразу подсказал, что сначала нужно разобраться самостоятельно, а потом уже что-то там подписывать. И вот ей показали вторую сторону медали. Конечно, у Кати тут есть свой интерес: чем больше людей в Змеевке, тем выше выручка кафе, но Яра не могла не признать: развитие всегда лучше стагнации.

Казаков доиграл мелодию, но новую начинать не стал. Повернулся на стуле, увидел свободный столик и пересел за него. Катя тут же принесла ему чашку, даже не спрашивая, что именно он будет. Очевидно, давно изучила привычки постоянного посетителя. Принесла она и Яре заказанные латте и пирожное. Яра подвинула себе вторую порцию кофе, одновременно раздумывая, не подойти ли к Казакову познаком-

миться. Зачем ей это знакомство, она пока не знала, но доктор вызывал интерес. Не как мужчина, таких поспешных выводов Яра никогда не делала, да и приехала в деревню отдохнуть, а не искать внимания, но с ним определенно было бы любопытно побеседовать. Деревенский врач, строящий реабилитационный центр на собственные средства, да еще и музыкант. Если Яра к чему-то и питала слабость, так это к занятным разговорам. Однако ничего решить она не успела. В кафе вдруг ураганом ворвался молодой парень, оглядел небольшое помещение и, увидев Казакова, двинулся к нему.

– Артур Александрович, вам надо срочно на стройку! – громко заявил он, привлекая всеобщее внимание.

– Что случилось, Максим? – спокойно поинтересовался Казаков, и Яра отметила, какой глубокий и низкий у него голос. Пожалуй, с таким голосом он мог бы не только играть на фортепиано, но еще и петь.

– Мы труп нашли! – заявил Максим, вытирая испарину на лбу.

К Источнику, казалось, спешили все, кто не находился на работе. Люди бросали дела и с заметным любопытством на лицах направлялись в сторону Источника. На полпути Яру обогнала полицейская машина с мигалками: очевидно, после обнаружения трупа мальчик-гонец сразу же отправился в кафе искать Казакова, раз даже стражи порядка только-только едут.

Яра не смогла остаться на месте, когда парнишка сообщил о найденном трупе и Казаков тут же поднялся и последовал за ним. Катя, понявшая ее без слов, быстро перелила латте в картонный стаканчик, в котором выдавали напитки навынос, и Яра, подхватив его, вышла из кафе. Профессиональное любопытство не дало бы ей спокойно пить кофе, если Ярослава знала, что совсем рядом происходит что-то из ряда вон выходящее.

Когда Яра приблизилась к толпе у ворот, ограждающих стройку, Казаков со своим помощником давно протиснулись через нее и скрылись на территории. Раньше Источник находился примерно в километре от деревни, теперь же дома подходили к нему почти вплотную, поэтому те, кто жил ближе всех, знали кое-какие подробности и с удовольствием делились с новоприходящими. К одной такой группе примкнула Яра и теперь слушала, что рассказывала хозяйка крайне-

го дома, молодая еще женщина с огромным животом. Очевидно, ей скоро предстояло рожать, потому она и находилась дома среди буднего дня.

— Я вышла белье на улице развесить и услышала крик, — делилась переживаниями беременная женщина с двумя другими. — Сначала один, а потом и еще несколько голосов присоединились. Девчонки визжали, парни пытались их успокоить. Потом один выбежал со стройки и побежал в деревню, а я вышла спросить, что случилось. Может, помощь какая-то нужна. И не зря вышла. Никто не сообразил вызвать полицию, представляете!

Очень скоро Яре удалось выяснить и другие детали. Оказалось, что стройка реабилитационного центра идет чуть больше полугода. И пока профессиональные строители занимаются возведением самого здания и ремонтом внутри, на работы в саду привлекают в основном молодежь. Под руководством опытных садоводов, разумеется. Артур Казаков грамотно рассудил, что садом стоит заняться сразу, а не после того, как будет построен пансионат. Деревья и кустарники растут медленно, и, если оставить их на потом, несколько лет придется любоваться практически голым пространством. Можно, конечно, сажать уже взрослые деревья, но они, во-первых, дороже, а во-вторых, хуже приживаются. Вот и решил Казаков стройку и сад совместить. На летних каникулах в разбивке сада помогает и местная молодежь. Казаков хорошо платит, поэтому ребята не прочь немного под-

заработать. Но все же основные работники приезжают из города. На территории стройки стоит несколько бытовок, плюс местные жители сдают свободные комнаты, поэтому городские домой уезжают только на выходные, по будням же обитают в деревне. И вот одну из девушек и нашли сегодня утром мертвой.

– Это Стася Макарова, городская, – шептала уже другая женщина своей знакомой, а Яра очень удачно стояла рядом. – Она у Петровны комнату снимала. Кто его знает, как ночью на стройке оказалась!

– Стася? – переспросила Яра, не смущаясь того, что подслушала.

Женщины повернулись к ней, и та, что была осведомленнее, кивнула.

– Анастасия. Но ее Стасей все звали.

Яра вспомнила, как ночью едва не стала невольной свидетельницей пикантной сцены. Девушка называла парня Ромкой, а вот он ее – Стасей. Яра хорошо это помнила, у нее была профессиональная память на имена. Анастасия – имя не самое редкое, но вот до Стаси его сокращают не так уж и часто.

Оставив женщин сплетничать дальше, Яра протиснулась вперед.

– Нельзя! – одернул ее молоденький полицейский, которого поставили охранять проход к стройке от любопытных.

– Кажется, у меня могут быть важные сведения насчет

жертвы, — сказала ему Яра. — Могу я увидеть следователя?
— Какие еще сведения? — важно уточнил полицейский.

На вид ему было лет двадцать, даже щетина еще нормально не росла, но он изо всех сил старался показать собственную значимость, и Яра не стала его разочаровывать, ответила:

— Ночью я видела ее с парнем. Может быть, я была последней, кроме него, кто видел ее в живых.

Информация показалась полицейскому достойной внимания, и он, оглядевшись, громко крикнул:

— Пал Саныч, у нас тут свидетельница!

Пал Санычем — Павлом Александровичем, очевидно, — оказался грузный мужчина лет сорока, беседующий чуть в глубине с кем-то из строителей. Последнего выдавала запыленная роба и каска на голове. Услышав окрик молодого коллеги, следователь что-то сказал строителю, а потом подошел к ним.

— Какой свидетель? — поинтересовался он, с подозрением глядя на Яру, но прежде, чем она успела бы что-то сказать, доложил полицейский:

— Вот, девушка говорит, что видела убитую ночью с парнем.

Яра кивнула в подтверждение его слов. Следователь перевел взгляд на толпу за ее спиной, которая напряженно замерла, вслушиваясь в каждое слово, а затем указал подбородком в сторону. Яра все правильно поняла и шагнула за ним сле-

дом. Уведя ее подальше от любопытствующих, следовательно сказал:

– Вы вообще кто? И что видели?

– Ярослава Миронова, внучка бывшего главы администрации, Николая Васильевича Миронова, – представилась Яра и по глазам следователя поняла, что дедушку ее тот хорошо знал. – Приехала к бабушке в гости, наш дом находится на улице Вишневой, как раз по дороге от клуба к центру деревни. Ночью мне не спалось, вышла подышать в сад. По дороге шла толпа молодежи, наверное, с дискотеки. Вся компания прошла вперед, но одна парочка задержалась как раз возле нашего забора. И парень называл девушку Стасей.

– Во сколько это было? – уточнил следователь.

– Часов около трех примерно. Точно не скажу, на часы не смотрела, но я выходила из дома около половины второго и провела на лавочке не меньше часа, пока увидела ребят.

– Так, и что Стася с этим парнем делали? Ругались?

– Я бы это так не назвала, – усмехнулась Яра. – Они целовались, но исключено, что дело пошло и дальше. По крайней мере, все на это указывало. Я ушла, не став подглядывать.

Следователь хмыкнул.

– Парня описать сможете?

– Было темно, я не видела. Но по голосу узнаю. И Стася называла его Ромкой.

Павел Александрович одобрительно кивнул и что-то записал в блокнот, удачно оказавшийся в кармане. В этот мо-

мент подъехала еще одна машина, из которой вышел мужчина с небольшим чемоданчиком в руке, и Яра поняла, что это криминалист или судмедэксперт. Следователь переключил внимание на него, поманив за собой, и Яра, воспользовавшись тем, что ее никто не выгнал обратно за ограждение, молча последовала за ними на безопасном расстоянии, чтобы и слышать, о чем они говорят, и глаза не мозолить.

– Девчонку нашли коллеги, – тихонько рассказывал следователь новоприбывшему эксперту. – Говорят, она часто опаздывала, поэтому, когда не явилась к восьми, никто не переживал, думали, позже явится. Переоделись и вышли в сад, они там дорожки разбивают, и нашли ее в кустах. Казаков говорит, что задушена вроде как.

– Это кто? – уточнил эксперт.

– Артур Казаков – врач местный и хозяин этой стройки. Девчонка у него работала.

Вместе они дошли до небольшого здания, которое было полностью построено и даже накрыто крышей, но пока еще без окон, и завернули за угол. Здесь уже были разбиты клумбы, на некоторых даже цвели пока еще малочисленные цветы, вдоль выложенных плиткой дорожек росли аккуратные кустики, чуть поодаль виднелись и молодые саженцы роз. Миновав розарий, следователь с экспертом, а за ними и Яра, свернули в сторону от благоустроенной части сада, и тогда Яра увидела тело. Девушка лежала возле сложенных кучей саженцев деревьев с замотанными в черные паке-

ты корневыми системами. Глаза ее были закрыты, руки вытянуты вдоль тела. Короткое платье выглядело мятым и выпачканным в песке, а на одной ноге отсутствовала обувь. Чуть в стороне толпились несколько молодых людей, наверное, те самые коллеги, что и нашли Стасю. А неподалеку от тела Яра увидела и Казакова. Он стоял прямо, будто солдат в почетном карауле, только руки сцепил за спиной. Теперь Яра могла хорошо разглядеть его. На вид ему было лет тридцать пять, едва ли больше. Черные как вороново крыло волосы аккуратно подстрижены, глаза, обрамленные темными ресницами, смотрели строго и беспристрастно. Высокие скулы, прямые брови, нос с небольшой горбинкой и сомкнутые в твердую полоску губы придавали ему строгий и даже немного надменный вид. На мгновение они с Ярой встретились взглядами, но Казаков тут же отвернулся, будто не заметил ее или же она не привлекала его внимание настолько, чтобы смотреть на нее. Что ж, тем лучше, он не задаст вопрос, что она вообще тут делает.

Яра не стала подходить к телу, остановилась чуть в стороне. Зато возле Стаси присел эксперт, несколько минут разглядывал девушку, поворачивал то в одну, то в другую сторону.

– Она умерла не здесь, ее сюда принесли, – наконец сказал он.

– Может, и принесли, – вздохнул следователь. – Стройка кругом, разве разберешь что? Все затоптано. Причина смер-

ти – асфиксия?

Эксперт кивнул, указал на шею жертвы, на которой даже Яра рассмотрела синие полосы.

– Не руками, веревкой, похоже. Время смерти: часов шесть-семь назад.

Следователь взглянул на часы.

– Значит, около трех или четырех ночи. Хм... У меня есть свидетельница, которая примерно в это время видела девочку с парнем по имени Роман. Надо бы расспросить ее друзей, кто такой этот Роман, да с ним побеседовать.

Следователь поднял голову и вдруг увидел ту самую свидетельницу.

– А вы что здесь делаете? – возмутился он.

Кажется, на этом ее пребывание на месте преступления закончится.

– Вы не просили меня уйти, – заметила Яра.

– Но и сюда не звал! Покиньте место преступления! Это не для любопытных.

Казаков снова посмотрел на нее и на этот раз задержал взгляд дольше. Но Яра не увидела в его холодных глазах ни любопытства, ни раздражения.

– Ладно. – Она примирительно подняла руки. – Если что, вы знаете, где я живу.

– Идите! – раздраженно велел следователь.

Яра, бросив еще один взгляд на погибшую девушку, покинула сад.

За то время, что Яра провела на стройке, толпа любопытствующих заметно поредела. Люди поняли, что ничего интересного они не увидят, тело слишком далеко от ворот, и начали расходиться. Остались только самые настырные сплетники. И среди них Яра увидела старых знакомых: сестер-близнецов Аню и Таню Малининых. Они были на два или три года младше Яры, поэтому в детстве не дружили, но сестер знали все в деревне. Когда-то ни одно происшествие в Гадючем Яре не обходилось без их участия. Мать сестер поседела еще до тридцати, а отец порол их так, что, говорят, порой на уроках они вынуждены были стоять, поскольку сесть не могли, но ничего не помогало. Если где-то сгорел сарай, кто-то выпустил ночью всех кур из курятника, подпер старой бабке Марусе дверь или отвязал мирно пасущуюся на лугу корову, можно было смело идти к Малининым: следы все равно наверняка приведут туда.

– Ярка, привет! – замахала Яре издалека Аня.

Несмотря на то, что сестры были похожи как две капли воды, Яра всегда умела различать их. И даже десять прошедших лет этого не изменили.

– Привет! – вторила сестре Таня. – А нам Светка Повалиева говорила, что ты приехала, но мы не верили.

– Десять лет носа не показывала, – добавила Аня.

– Я приезжала в прошлом ноябре, – заметила Яра, подходя ближе.

– То не считается, – отмахнулась Таня. – Это ж похороны были, а не дружеский визит.

– Да и уехала ты сразу, ни с кем словом не обмолвилась, – упрекнула Аня.

Яра не стала на это ничего отвечать. Они не подруги, чтобы она перед ними оправдывалась. Она, в общем-то, и перед подругами не оправдывалась, любое решение в жизни всегда принимала сама, и сама отвечала за последствия. Но от сестер Малининых не так-то просто было отделаться: они отправились в деревню вместе с Ярой, попутно вываливая на нее все местные новости, которые раньше не успела рассказать Света Повалиева. Просто удивительное желание у некоторых людей обязательно делиться всем, что происходит вокруг. Дошел разговор и до убитой Стаси.

– Та еще оторва была! – сказала Аня, нимало не смущаясь того, что говорит о покойнице. – Ее в деревне все знали, хотя на стройку она приехала позже остальных, в июне где-то.

– Романы крутила направо и налево, – добавила Таня. – Молодые парни за ней очередью ходили.

– Говорили даже, что Лерка Томилина своего мужа с ней застала. И если бы у Лерки был другой характер, Стасе морду начистила бы.

– Да не путалась она с Леркиным мужем! – возразила сестре Таня. – Лерка сочинять горазда. Стасе молодых хватало.

– Кстати! – Аня вдруг подняла палец вверх и хитро улыбнулась. – Говорят, ее даже с Казаковым видели.

– С Казаковым? – Яра наконец заинтересовалась разговором, хотя едва ли смогла бы ответить на вопрос, чем предполагаемый роман Стаси с Казаковым отличается от романа с неизвестным Яре мужем Леры Томилиной или любым другим молодым парнем.

– Ага! – кивнула Аня. – Говорят, он ее привечал.

– Ну а что? – пожалала плечами ее сестра. – Она молодая была, красивая, что тут врать?

– Доступная. А он тоже свободный и не старый еще.

– Значит, у них был роман? – уточнила Яра.

Сестры переглянулись.

– Не то чтобы роман... – осторожно начала Аня. – Чтоб целовались там или еще что, никто не видел, просто говорят, она к нему в кабинет часто заходила.

– Казаков – он такой, – добавила Таня. – Красивый, статный, но... холодный какой-то.

– Как ледяная скульптура, – хихикнула Аня. – Ему тут многие глазки строили, когда он только приехал.

– Даже ты, – не удержалась Таня, а Аня не стала отрицать:

– Ага, пыталась ужином угостить, а там и завтрак предложила бы, но он не согласился.

– Прямо не отказал, – поведала ее осведомленная сестрица, – он прямо никому не отказывает. Галантный – жуть. Настоящий джентльмен. Кофе угощает, но при этом делает вид,

что намеков не понимает.

– Не зря со Стасей связался. С такими легко: переспал и дальше пошел, Стасе серьезные отношения ни к чему.

– Ему, видимо, тоже, но организм свое требует, – добавила Таня.

– Эх, зря мне отказал, я б у него кольцо просить не стала, – вздохнула Аня, на что ее сестра только многозначительно фыркнула.

– А может, это он Стасю и того? – специально, чтобы поддеть сестру, предположила Таня.

– С чего бы ему это делать? – тут же бросилась в защиту фаворита Аня.

– Так из ревности! Она ж не только с ним крутила, ненасытная девка!

– Ты просто завидуешь!

– Чему? Это ж тебе он отказал, я к нему не цеплялась.

Сестры начали спорить и подначивать друг друга, и Яра поспешила с ними распрощаться, благо они как раз дошли до ее двора. Бабушки дома еще не было. Несмотря на преклонный возраст, она оставалась активной женщиной. Обязательно ходила на маникюр и педикюр, ездила на массаж, раз в месяц посещала заседания книжного клуба, который сама же и основала много лет назад, и занималась еще сотней различных дел, позволяющих ей держать себя в тонусе. Полина Андреевна никогда не ассоциировалась у Яры с теми бабушками из деревни, которых обычно пока-

зывают в фильмах и о которых рассказывают в сказках. Она не сажала огород, не завязывала на голову платок и не пекла пирожки. Платок могла повязать только на шею, а вместо пирожков сварганить настоящее крем-брюле.

Не желая проводить остаток дня дома в одиночестве, Яра решила прогуляться. Сначала просто бродила по улицам, разглядывая новые дома, а затем свернула к озеру. Чтобы не нарваться на очередные нравоучения, пошла не той дорогой, которой пользуются все, и не на общественный пляж, а свернула к лесу, желая проверить, существует ли еще проход в ту маленькую бухточку, где она купалась десять лет назад, и не заросла ли вообще сама бухта.

Скрывшись от палящего солнца в тени деревьев, Яра невольно вернулась мыслями к утреннему происшествию. Она солгала бы, если бы сказала себе, что ей так уж сильно жаль погибшую Стасю. Они не были знакомы, а искренне сопереживать смертям незнакомых людей Яра не умела. Такой уж уродилась. И ей казалось, что такими уродились большинство людей. Иначе не было бы всех этих толп любопытных каждый раз, когда где-то что-то происходит. Просто не все имели смелость признаться себе в таком естественном бесчувствии.

И все-таки ей было интересно, правда ли у Стаси был роман с Казаковым? И если да, любил ли он ее или же это, как и утверждали Малинины, было лишь связью для поддержания здоровья организма? Яре почему-то казалось, что такой че-

ловек, как Казаков, не стал бы связываться с ветреной девушкой вроде Стаси, но что вообще она знала об этом докторе с музыкальным талантом? Она его впервые увидела-то три часа назад. Тем не менее какой-то интерес он у нее определенно вызывал.

Раздумывая о том, о чем вообще-то думать не должна была, Яра добралась до знакомых мест. За те годы, что она не приходила сюда, лес немного изменился. Зарос чуть сильнее, исчезли кустарники черники там, где всегда были, но в целом остался узнаваемым. Яра издалека увидела два мощных дуба, между корней которых когда-то обнаружила лаз. Держась за кустарники, спустилась в овраг и, раздвигая ветки, норовящие оцарапать ей лицо и выдрать волосы, добралась до великанов.

Лаз все еще существовал. Его немного засыпало сухими листьями и землей, но вскоре Яре удалось расчистить его. Она смело нырнула внутрь, зная, что уже через несколько секунд выберется на чудесный крохотный пляж, где с трудом могли поместиться два человека, зато никто не мог увидеть ее из других мест озера.

Бухта была все такой же, какой Яра ее помнила: маленькая, но чистая и спокойная. Желтый песок приятно грел ноги – босоножки она скинула сразу, а вода манила окунуться. Глубина возле края была небольшой, а дальше дно резко уходило вниз, отчего вода казалась темной, но при этом хорошо прогревалась и была комфортной даже в пасмурные дни.

Скинув с себя одежду, Яра обнаженной подошла к воде. Она не взяла купальник, не собираясь сначала идти к озеру, и теперь была даже рада этому. Хотелось ощущать воду каждой клеточкой тела, чтобы никакие препятствия не мешали наслаждаться прозрачным покрывалом.

Вода оказалась теплой, и Яра, не останавливаясь, вошла в нее по пояс, а затем, сложив руки над головой, нырнула вниз. Она хорошо умела плавать, любила это дело и каждый раз, выбираясь в отпуск, неизменно заезжала на море хотя бы на пару дней, даже если планировала совсем другой отдых. Озерная вода была не такой соленой, как морская, не так хорошо держала тело на поверхности, и здесь Яра с особым удовольствием ныряла. Подводная жизнь в озере не радовала разнообразием, а в темной воде бухты и вовсе нельзя было ничего разглядеть, но Яре нравилось само ощущение полного погружения на глубину.

Десять лет назад она приходила сюда летом каждый день. Не одна, конечно, а с Денисом. Они тогда тоже не брали с собой купальные костюмы, наслаждались друг другом в созданном природой виде. Интересно, за прошедшие годы он приходил сюда? Вспоминал ее? Быть может, приводил кого-то другого? Яре почему-то казалось, что непременно приводил. В ее место. В ее бухту, которую когда-то показала ему она. Все эти десять лет Яра думала, что он уехал в город, не остался в деревне. И вот теперь она узнала, что он здесь. Всегда был здесь. И наверняка приводил сюда кого-то

другого.

Купаться вдруг расхотелось. Вода показалась холодной и темной, будто это она была виновата в том, что Денис приводил сюда другую. Будто она теперь была испорчена, как супружеская постель, в которую один из двоих привел третьего. Яра вынырнула на поверхность, поднялась на ноги и повернулась к берегу.

А на берегу стоял он. Стоял и смотрел на нее, будто не было этих десяти лет.

Лето у Дениса Соколова, как и у любого фермера, было горячей порой года. Настолько горячей, что даже выходные он себе не позволял, что уж говорить о полноценном отдыхе или поездке куда-то. Впрочем, положив руку на сердце Денис мог признаться, что свободных месяцев в году у него не бывает вовсе.

Когда он только начинал, думал, что таким месяцем станет февраль. С марта по октябрь – все понятно. В марте уже начинаются обработка и обрезка плодовых деревьев, в апреле присоединяются поля, с мая на его спине можно жарить яичницу. В декабре все готовятся к Новому году, а значит, чтобы заработать на новогодних столах, пахать ему придется весь декабрь. Январь тоже богат праздниками: тут тебе и Рождество, и старый Новый год, и Крещение. А вот февраль, как он считал, будет месяцем затишья, когда он сможет себе позволить куда-то поехать. Моря Денис не любил, всем видам отдыха предпочитал пешие прогулки по новым городам, где ни разу не был. Когда-то в юности он мечтал стать архитектором, ему нравилось рассматривать необычные здания, планировки городов и интересные инфраструктурные решения. Но отец быстро оборвал эти его мечтательные порывы, заявив, что архитектурой он себе на жизнь не зарабатывает. Точнее, может, и заработал бы где-то в большом горо-

де, не в их крохотном местечке. А уезжать далеко ему никто не позволит: он единственный сын в семье, а родителям нужна помощь по хозяйству. Отец еще в молодости, когда Денису было всего два года, попал в ДТП и с тех пор передвигался с костылями, а мать одна не справится с мужскими обязанностями. Нанимать же кого-то за деньги при взрослом сыне родители считали неуместным. «Что люди скажут?» всегда было их девизом.

Правда, очень скоро выяснилось, что отвести февраль под отпуск у Дениса никак не получится. Если хочешь заработать что-то на выращивании овощей и ягод, они должны созревать раньше, чем у остальных. Клубника в июне и помидоры в августе стоят недорого, потому что есть у всех. Чтобы заработать по-настоящему, нужно собирать клубнику в мае, а лучше – в апреле. Тогда цена на нее будет раза в три выше, чем в сезон. А чтобы она созрела в апреле, сажать ее нужно в феврале. В теплицы, с дополнительным обогревом и освещением. И так с любой рассадой. Вот и получается, что февраль у фермера – горячий месяц в прямом и переносном смысле. Тут уж не до отдыха.

Пропав в режиме нон-стоп два года, Денис понял, что так его надолго не хватит. И огромным усилием воли постановил, что отдыхать будет в ноябре. В этом месяце тоже есть чем заняться, ведь нужно готовиться к зиме, но все же такие дела уже можно делегировать помощнику. А с делегированием у Дениса всегда были проблемы. Ему казалось, что

лучше него никто не сделает. Помощник обязательно что-то напутает и загубит результат годового труда. Но когда встал вопрос: довериться другому человеку или слечь с нервным срывом – пришлось выбирать.

О том, что в Змеевку приехала Ярослава Миронова, Денис, конечно же, знал. Во-первых, вокруг все еще было много людей, кто помнил, что десять лет назад они чуть не поженились, а потом Яра внезапно сбежала, бросив возлюбленного едва ли не у алтаря. И эти люди жаждали взглянуть Денису в лицо в тот момент, когда он узнает, что бывшая вернулась. А во-вторых, Ярослава была личностью довольно известной в Змеевке, ее приезд так или иначе обсуждался. Она была внучкой уважаемого в деревне и окрестностях человека, да еще и сама известный журналист. Многие восхищались ее статьями, а очередного журналистского расследования ждали не меньше, чем новой серии сериала по «Первому каналу».

Они не виделись десять лет. Денис хорошо помнил их последнюю встречу: тогда стоял теплый еще октябрь, они приехали из города, решив какие-то очередные дела с будущей свадьбой, а затем Денис высадил ее у дома Мироновых, поцеловал на прощание и... больше не увидел. Утром узнал, что Яра собрала вещи и спешно сбежала. Денис порывался поехать следом, найти ее, выяснить, что случилось, почему она так поступила с ним. Он хотел объяснений, хотел понимать, что сделал не так.

Дедушка Ярославы его отговорил. Денис пришел к нему узнать, где искать Яру, а тот усадил его за стол, плеснул в бокал коньяка и предложил поговорить откровенно. Денис так и не узнал, что заставило Яру изменить решение о свадьбе буквально за одну ночь, даже без каких-либо объяснений, но Николай Васильевич Миронов сказал ему то, о чем Денис знал и сам, просто в двадцать два года не хотел об этом думать.

Яра не создана для того, чтобы жить в деревне. Она слишком дерзкая, слишком яркая, уверенная в себе, целеустремленная. Ее имя полностью отражает ее характер. Она зачахнет в деревне. Пока она юна и влюблена, ей кажется, что она может отказаться от насыщенной столичной жизни во имя любви, но пройдет время, и она заскучает. И начнет винить Дениса в том, что он заставил ее остаться. Николай Васильевич говорил это, а Денису даже возразить было нечего, потому что Миронов был полностью прав. Денис тогда втайне подозревал, что и Ярославе дедушка сказал что-то такое же. Правильное. И одновременно был обижен на нее за то, что она даже не нашла в себе сил объясниться с ним. Быть может, боялась передумать. Быть может, струсил говорить ему в лицо о том, что бросает его.

И лишь шесть лет спустя Денис узнал, почему Яра приняла такое решение. Понял, что в то время, как он был обижен на нее, она во всем винила его. И если первым его порывом снова было найти ее, только теперь уже не требовать объ-

яснений, а все объяснить самому, то вскоре он передумал. Самостоятельно, на этот раз без постороннего вмешательства. Шесть лет прошло. У Яры давно другая жизнь, едва ли она все еще испытывает к нему какие-то чувства. Не нужны ей теперь его объяснения, поздно. Их поезд ушел и больше не вернется. Стоит смириться и жить дальше. Какая теперь разница, что она думала о нем все эти годы?

Яра приезжала в прошлом ноябре на похороны дедушки, но тогда Дениса не было в Змеевке. Он тогда был в отпуске, о смерти Миронова узнал после возвращения и Яру, конечно же, не застал. И вот она снова приехала. На этот раз, говорили, надолго. Может, даже до Нового года. Денис понимал, что однажды они встретятся. Слишком маленькая у них деревня, да и ему уже доложили, что Яра приходила в его магазин и осталась в восторге от ассортимента. Да, Денис знал, что они встретятся, но не думал, что так скоро.

День выдался отвратительно суматошным. Еще не закончился сезон малины, а ее у Дениса был посажен целый гектар. Собирали через день по половине: 50 соток в четные дни, 50 в нечетные. И работать приходилось с раннего утра до трех часов дня нескольким людям. Сегодня половина из этих людей на работу не явилась. Денис не заключал с ними никаких контрактов, платил ежедневно за выполненную работу, поэтому со сборщиками иногда такое случалось. Ему пришлось впрячься самому, это тоже случалось. Сложности с делегированием, что тут скажешь.

К трем часам, когда малина была выбрана, упакована и отправлена закупщику, с которым Денис сотрудничал уже не один год, он валился с ног. Ведь, помимо малины, никто не отменял и другие его организаторские обязанности. Работать с прижатым к плечу телефоном такое себе удовольствие.

Рассчитав работников, Денис решил сходить на озеро. То всегда успокаивало его, вода снимала любую усталость. Плавал Денис хорошо, в воде чувствовал себя как рыба. Купаться отправился, само собой, в бухту. Когда-то давно его привела туда Ярослава, и после ее отъезда Денис по привычке купался там. О бухте никто не знал, а если и знал, то не желал преодолевать трудный путь, чтобы до нее добраться. Озеро было огромным, и укромных местечек, чтобы искупаться без лишних глаз, хватало.

Едва только преодолев туннель из спутанных корней двух старых дубов, Денис понял, что его бухту кто-то обнаружил. Пляж был крохотным, поэтому чужие вещи он заметил сразу. Женские вещи. Легкое кремовое платье, босоножки и белье. Та, что нашла его бухту, купалась обнаженной. Сомнений в том, кто это может быть, Денис не испытывал.

Он перевел взгляд на воду и увидел ее. За десять лет она почти не изменилась. Светлые волосы стали длиннее, но талия оставалась все такой же тонкой, тело по-змеиному гибким. Денис видел ее со спины, но был уверен, что и лицо осталось прежним. Такие, как Ярослава, не стареют. Это

у него к осени волосы выгорают почти до откровенно рыжего цвета, а вокруг глаз уже полно мелких морщинок, поскольку он много времени проводит на улице, а работать в солнечных очках не очень-то удобно. Они были ровесниками, когда-то сидели за одной партой, но Денис был уверен, что сейчас Яра будет выглядеть минимум лет на пять моложе.

И вот она обернулась. Обернулась – и увидела его. Денис был прав, она ничуть не изменилась. Разве что стала еще красивее, с лица исчезло выражение наивной юности. Конечно же, она узнала его. Чуть раскосые глаза удивительного золотого цвета, которые всегда заставляли сердце Дениса замирать от восторга, гневно сузились. А потом она осознала, что стоит перед ним обнаженной. И если темная вода прячет тело ниже пояса, то верхняя его часть полностью открыта взору. Яра спешно обхватила себя за плечи, спрятав руками грудь.

– Ты? – спросила она. – Что ты здесь делаешь?

– То же, что и ты, – пожал плечами Денис. Он увидел ее раньше, а потому успел прийти в себя от неожиданной встречи. – Пришел искупаться.

– Это мое место!

– Последние десять лет с тобой не согласятся.

– Уходи, я не одета!

– Это я заметил, – едва слышно пробормотал Денис, а потом добавил: – Никуда я отсюда не уйду, я пришел плавать, как делаю каждый день. И я буду плавать. У меня-то

плавки есть.

Он демонстративно сбросил мокасины, снял легкие брюки и футболку, аккуратно сложил их на песке и вошел в воду. Яра продолжала гневно смотреть на него, будто до конца не верила, что он все-таки пойдет купаться. А Денис поравнялся с ней, вытянул руки над головой и нырнул под воду, выплыл уже в нескольких метрах дальше, повернулся к ней, не сводя с нее взгляда. И видел, как она, вероятно, что-то решила для себя, поскольку подбородок приподнялся, а вот руки, наоборот, опустились. Будто боясь расплескать что-то внутри себя, Яра медленно двинулась к берегу. Не стала больше ни закрываться, ни просить его отвернуться, хотя знала, не могла не видеть, что он смотрит на нее. Несколько минут стояла под палящим солнцем, обсыхая, а затем медленно принялась одеваться.

– Глаза не сломай, – не выдержала, застегивая платье.

Денис усмехнулся:

– Можно подумать, я не видел тебя голой. – И зачем-то добавил: – Ты ничуть не изменилась.

Яра фыркнула что-то нечленораздельное, забросила на плечо босоножки и нырнула в лаз между корней. Денис еще несколько секунд смотрел на то место, где она только что стояла, а потом лег на спину, раскинул в стороны руки, позволяя водной глади удерживать его на поверхности.

Вел себя как мальчишка. А ведь она ни в чем не виновата перед ним. Уезжая десять лет назад, она считала, что это он

все испортил. Если бы не ее знаменитая гордость, если бы она пришла к нему за объяснениями, а не молча сбежала, они все выяснили бы еще тогда. И вся жизнь могла бы пойти по-другому. Но гордость родилась раньше Ярославы Мироновой, и она никогда не унизила бы себя выяснением отношений. Поэтому все сложилось так, как сложилось. И Денис не мог сказать, что так уж плохо. Он вполне преуспевает по местным меркам, у него свой магазин, квартира в одном из трехэтажных новых домов Змеевки, да и Яра сделала ту карьеру, о которой мечтала и от которой собиралась отказаться ради него. Так что все сложилось лучшим образом.

Только вот Денис вдруг выяснил, что его чувства к Ярославе никуда не делись за эти десять лет. И это было очень скверно.

Яра вылезла из тоннеля, нацепила босоножки и пошла по лесу, с силой топая ногами, как делала в далеком детстве, когда была очень зла и не могла справиться с эмоциями. Во взрослом возрасте она не позволяла себе такого откровенного проявления чувств, но сейчас не могла сдержаться.

Как он смел прийти на ее место? Да не просто прийти, а нагло раздеться и зайти в воду! Будто эта бухта принадлежит ему! Будто это не она много лет назад привела его туда! Рациональная часть Яры напоминала, что бухта не ее собственность и купаться в ней имеет право кто угодно. Более того, Яра признавала, что теперь Денис имеет на бухту больше прав, чем она, ведь она не приезжала десять лет. Но Яра не хотела слушать эту рациональную часть. Яра хотела злиться. Здорово было бы злиться только на Дениса, но и на себя она тоже злилась. И еще, пожалуй, сильнее, чем на него. Вела себя как девчонка! Зачем одевалась перед ним? Зачем позволяла ему разглядывать себя? Он потерял это право десять лет назад! По собственной воле потерял, вот и нечего теперь паяться!

Дорога до деревни не только не успокоила ее, но и еще сильнее распалила, поэтому, остановившись на опушке леса, Яра прикрыла глаза, сильно сжала кулаки и попыталась выровнять дыхание. С каждым глубоким вдохом и медленным

выдохом она чувствовала, как злость отступает. Как судорогой сведенные мышцы расслабляются, развязывается тугой узел в груди.

Что сделано, то сделано, прошлого не изменишь, по-другому себя не поведешь. Теперь надо сделать выводы и, снова попав в подобную ситуацию, действовать иначе. Потому что такие ситуации будут. Яра приехала в Змеевку на несколько месяцев и не уедет раньше. Уж точно не из-за Дениса. Не будет ему такого счастья. Пусть скажет спасибо, что десять лет назад она не стала выяснять отношения, никому ничего не сказала, не попыталась испортить ему жизнь, хотя могла бы. Если бы пожаловалась дедушке, черта с два Денис смог бы потом скупать землю в Гадючем Яре и развивать свое фермерское хозяйство.

Но вот в его магазин она больше не пойдет, не дождется. До города – рукой подать. Она купит все необходимое там.

Бабушка была дома. Как обычно, невероятно элегантная, в кремовом однотонном платье и шляпке с широкими полями, она сидела в тени раскидистой яблони и читала книгу. Бабушке было уже семьдесят восемь, но едва ли кто-то дал бы ей больше шестидесяти пяти. Она до сих пор посещала косметолога и массаж, дважды в неделю ездила на фитнес и ходила в день не меньше десяти тысяч шагов. Всегда наносила на лицо легкий макияж утром и не выходила из спальни без нитки жемчуга на шее. Бабушка была для Яры примером настоящей женщины. И если в старости Яра будет на нее по-

хожей, посчитает, что прожила жизнь не зря.

– Ты уже вернулась? – спросила Яра очевидную вещь, заходя в сад через калитку.

Полина Андреевна оторвалась от чтения, положила между страниц изящную закладку в виде металлического цветка с подвеской из лунного камня и посмотрела на внучку.

– Около получаса назад, – ответила она. – А ты где была?

Яра неопределенно махнула рукой, не желая рассказывать о встрече с Денисом, плюхнулась на скамейку рядом.

– Слышала, что произошло?

– Ты о смерти девушки со стройки? Слышала, конечно. В нашей деревне все новости разлетаются со скоростью света. Впрочем, – Полина Андреевна улыбнулась уголком губ, – так во всех деревнях. Я еще в такси из города ехала, как мне уже позвонила Елена из магазина, рассказала. Твоего де-душки нет уже почти год, но люди все равно по привычке новости в первую очередь сообщают нашей семье. Я наде-юсь, ты не собираешься вмешиваться в расследование убий-ства девушки? – строго поинтересовалась бабушка, глядя на Яру поверх очков.

Та легкомысленно махнула рукой.

– И не собиралась. Я отдохнуть приехала.

– Вот и правильно, – удовлетворенно согласилась Полина Андреевна. – Но, если тебе скучно, можешь поехать к Ар-тему Викторовичу, адвокату твоего дедушки, и начать вни-кать в его дела. Ты же знаешь, что у дедушки были акции

нескольких окрестных заводов и другие интересы в городе? Пока всем этим Артем Викторович занимается, но после моей смерти все тебе отойдет, начинай разбираться заранее.

– Почему мне? – удивилась Яра.

Она знала, что дедушка за свою жизнь сколотил неплохое состояние, но считала, что после смерти его и бабушки все достанется ее матери, ведь та наследник первого порядка, или как там говорят?

– Потому что твоя мама давно сказала, что ей это неинтересно и ездить сюда она не станет, – ровным тоном заметила Полина Андреевна.

Мама Яры, Вера Миронова, была известным ученым в области биологии. Давно защитила докторскую диссертацию, работала, насколько Яре было известно, над второй. Они редко встречались, поскольку мама была крайне занята, частенько ездила для обмена опытом за границу, а даже когда бывала в стране, работала с утра до ночи. Мама не нуждалась в деньгах, зато имела катастрофическую нехватку времени, поэтому навещала в гости к родителям раз в несколько лет буквально на пару часов: поцеловать и выпить чашку кофе. После чего снова упархивала на очередные исследования. Впрочем, не Яре ее судить.

Вера Миронова никогда не была замужем, и, от кого тридцать два года назад родила Яру, никто не знал, в том числе и сама Яра. Младенец не встраивался в уклад жизни тогда еще начинающего ученого, только идущего наверх к звездам,

активно работающего над кандидатской диссертацией, поэтому Вера привезла Яру к родителям. На пару лет, до того, как дочь дорастет до детского сада, но потом что-то пошло не так. Яра однажды подслушала разговор между бабушкой и дедушкой и выяснила, что мама собиралась ее забрать, но большую часть времени ей пришлось бы проводить в саду и с нянями, поэтому на семейном совете было решено, что лучше ей остаться жить в Змеевке. Бабушка, до приезда Яры ходившая на какую-то непыльную работу в администрации, уволилась и стала заниматься воспитанием внучки.

Вера вернулась за Ярой, когда той было пятнадцать и она закончила девятый класс.

– Девочке нужно поступать в хороший ВУЗ, а для этого закончить школу в городе и подтянуть знания с репетиторами, – заявила мать, и бабушка с дедушкой не нашли что возразить.

Сама Яра тоже была не прочь переехать. Она хорошо училась, имела разносторонние интересы, и скромный университет в ближайшем городе не мог удовлетворить ее запросы. Маму она по-прежнему видела нечасто, но теперь была уже достаточно взрослой, чтобы жить самостоятельно. То есть официально у нее была какая-то там компаньонка или опекунша, но большую часть времени Яра проводила одна. Выросши в деревне, она не влилась в компанию местных мажоров, а потому все свободное время посвящала учебе. Университет закончила на отлично, и уже к моменту защиты

диплома имела несколько предложений о работе. Мама ею неизменно гордилась, даже подарила собственную квартиру.

Все это едва не рухнуло, когда Яра вернулась в Змеевку отдохнуть перед новым этапом жизни. Встреча с бывшим одноклассником перевернула ее жизнь с ног на голову. Она до сих помнила этот момент.

Бабушка отправила ее в магазин за какими-то продуктами к ужину. Тогда в Змеевке еще не имелось такого ассортимента, но купить самое необходимое было возможно. Обычно бабушка покупала все в городе, но в тот момент что-то забыла. Яра прибежала к магазину за пять минут до конца рабочего дня и выяснила, что тот уже закрыт. Пока она стояла в растерянности под запертой дверью, возле нее остановился мотоцикл.

– Она уходит минут за двадцать до закрытия, – громко, чтобы перекричать звук работающего двигателя, сказал байкер. – Все знают, поэтому так поздно не приходят.

– Я не знала, – растерянno пробормотала Яра. – И бабушка, похоже, тоже, раз послала меня в это время.

Байкер вдруг стянул с головы шлем и приветливо улыбнулся.

– Яра, ты, что ли?

Яра его тоже узнала. Денис Соколов, ее бывший одноклассник. Только когда Яра видела его в последний раз, он был еще худощавым пятнадцатилетним подростком с юношескими прыщами и первыми усами, едва заметно пробива-

ющимися над верхней губой. Теперь же от прыщей не осталось и следа, куцые усы превратились в сексуальную легкую небритость, а мускулы были видны даже под мотоциклетной кожаной курткой. Давно не стриженные темные волосы слежались под шлемом и теперь в беспорядке торчали в разные стороны. За семь прошедших лет Денис превратился из нескладного подростка в молодого мужчину, сшибающего с ног притягательностью.

Денис тогда отвез ее на мотоцикле в город, а затем пригласил на свидание вечером. И с того дня они не расставались, каждую минуту проводили вместе. Катались на мотоцикле до свиста в ушах, купались в озере до сморщенной кожи, любили друг друга до изнеможения. Если бы можно было раствориться друг в друге, стать единым целым, они непременно сделали бы это.

Яра влюбилась как мартовская кошка. И слышать не хотела о возвращении в город. Денис не мог уехать, бросив мать и отца-инвалида, а она не могла уехать без него.

– Яра?.. – голос бабушки вытащил Яру из воспоминаний.

– Что? Прости, я задумалась.

– Это я вижу, – хмыкнула Полина Андреевна.

– Что ты спрашивала?

– Я спрашивала, не хочешь ли ты сейчас взглянуть на бумаги, – повторила бабушка. – В подробности тебя посвятит Артем Викторович, но кое-какое впечатление сложишь.

– А, да, конечно!

Яра торопливо поднялась с лавки. Что угодно, только бы не вспоминать Дениса!

Полина Андреевна отвела ее в комнату, бывшую когда-то кабинетом дедушки. В ней до сих пор ничего не поменялось, казалось, дедушка просто вышел покурить и скоро вернется. Бабушка, во всем подчинявшаяся мужу, курить в доме запрещала категорически, и дедушка всегда ее слушался.

Говорят, что генерал командует в армии, а дома слушается генеральшу. В их семье было не так: дедушка был главным от начала до конца, его слово всегда становилось решающим, и лишь запрет на курение был тем, что запрещала уже бабушка. Это всегда удивляло Яру и казалось особенно милым.

Тяжелая дубовая мебель не была покрыта пылью, а в кабинете не пахло затхлостью, что свидетельствовало о постоянной уборке. Бабушка даже в молодости не справлялась с большим домом, поэтому много лет к ним ходила специальная женщина. Темно-бордовые портьеры были занавешены и не пропускали в кабинет солнечный свет. Сколько Яра себя помнила, здесь всегда царил полумрак. Дедушка любил работать в полутьме и прохладе, а вот курить выходил в сад.

«Греться на солнышке», так он это называл.

Полина Андреевна сразу прошла к сейфу, ввела код, открыла тяжелую дверцу. Яриному взгляду предстало множество папок с бумагами и большая кожаная шкатулка. Маленькой Яра часто бывала в кабинете у дедушки, порой даже

уроки делала, сидя сбоку за его столом. Николай Васильевич работал с документами, а Яра рядом писала в тетрадках. Дедушка всегда был очень эрудированным, мог помочь по любому предмету, даже не заглядывая в учебник, поэтому Яре нравилось учить уроки в его кабинете. Сейчас она бы сказала, что использовала его вместо Гугла. Дедушка часто открывал при ней сейф что-то взять или положить, Яра хорошо помнила, в каком порядке располагались его документы. Но этой шкатулки не видела никогда.

– Что там? – спросила она.

Полина Андреевна проследила за взглядом внучки, вытащила тяжелую коробку, поставила на стол и открыла. Внутри лежали украшения. Дедушка дарил жене много украшений, ни один праздник не обходился без бархатной коробочки. И сейчас Яра видела многое из того, что в те или иные дни носила бабушка. Но были здесь и вещицы, которые раньше Яре видеть не доводилось. Должно быть, дедушка, не изменяя себе, дарил их жене даже в старости, когда Яра с ними уже не жила. Например, золотое кольцо с бриллиантами и такие же сережки она бы определенно запомнила.

– Это Николай подарил мне на семьдесят пять лет, – пояснила бабушка. – Именно тогда я, кстати, и перенесла шкатулку в сейф. В деревне появилось много новых людей, кто знает, чего от них ожидать?

С этим Яра поспорить не могла.

– А здесь что? – Она указала на небольшую коробочку

из желтого бархата, лежащую на дне шкатулки.

Бабушка взяла коробочку, открыла ее и аккуратно вытащила оттуда браслет потрясающей красоты. Он был из белого золота, выполнен в виде свернувшейся в кольцо змейки, а вместо глаз были вставлены два крупных желтых камня, играющих на свету не хуже бриллиантов. У Яры дух захватило от такой красоты.

– Что это за камни? – спросила она почему-то шепотом.

Бабушка усмехнулась, надела браслет на собственную руку и вытянула ее вперед, любуясь.

– Это желтые бриллианты. Крайне редкая вещь, дороже обычных бриллиантов. Такой цвет камни получают из-за примеси азота.

– Это тоже подарок от дедушки?

– Конечно! – бабушка, казалось, даже оскорбилась. – Я бы не позволила себе принимать подарки от других мужчин.

– Невероятная красота, – признала Яра, с восхищением глядя на блики бриллиантов.

– Это все тоже достанется тебе, – сказала бабушка, снимая браслет и снова пряча его в коробочку.

– Думаю, от такого наследства мама не откажется, – хмыкнула Яра.

– Тут уж мне решать, – строго заметила бабушка. – После моей смерти украшения – твои. Все, кроме браслета. Его Николай подарил мне на помолвку, и я бы хотела, чтобы меня похоронили с ним. Слышишь, Ярослава?

– Что-то ты слишком часто говоришь о смерти, – заметила Яра. – Рано еще.

– Мне скоро восемьдесят, – напомнила Полина Андреевна, закрывая коробку и ставя ее в сейф. – В таком возрасте никто не может наверняка сказать, какой год станет последним. Так что пообещай мне проследить, чтобы браслет был на мне, когда будут закрывать крышку гроба.

И Яра внезапно поняла, что это важно для бабушки. На самом деле оба, и бабушка, и дедушка, казались Яре достаточно прохладными людьми. Они хорошо ладили, уважали друг друга, и Яра никогда не видела, чтобы они ссорились, но и никакого проявления любви на людях тоже не замечала. Они не держались за руки, не дарили друг другу приветственные поцелуи и походили скорее на партнеров, чем на влюбленных супругов. В детстве Яре это казалось нормальным, она бы скорее удивилась, если бы люди в их возрасте продолжали пылать страстью. Даже в двадцать два года ей это казалось нормальным. В двадцать два года именно она имела право на сносящую крышу любовь, а не люди в их возрасте. И только теперь Яра поняла, что они все-таки любили друг друга, просто характеры имели строгие и даже отстраненные. Но при этом умели показать друг другу свою привязанность. Иначе разве хотела бы бабушка быть похороненной с вещицей, которую дедушка подарил ей почти шестьдесят лет назад?

– Хорошо, обещаю, – заверила Яра, улыбнувшись бабуш-

ке.

Та тоже раздвинула губы в легкой улыбке и положила на стол папку с бумагами, намереваясь показать внучке гораздо более скучные, но не менее важные вещи.

Яра знала, что это некрасиво. Более того, преступно. Но ничего не могла с собой поделать. Браслет в виде змеи с глазами из желтых бриллиантов манил ее так сильно, что она не могла уснуть. Крутилась в кровати, как уж на сковороде, то накрывалась одеялом, замерзая, то с раздражением сбрасывала его в сторону и выкручивала кондиционер на максимум. Ей до одури хотелось коснуться браслета, увидеть, как тот будет смотреться на ее тонком запястье.

В конце концов признавшись себе, что не уснет, Яра встала с кровати и вышла из спальни. Она только один раз посмотрит, один раз примерит, а затем вернет все на место. Бабушка даже не заметит. Спустившись на первый этаж, Яра быстро пересекла холл и зашла в кабинет дедушки, закрыла за собой дверь. Включать яркий свет не стала, лишь зажгла настольную лампу. Она никогда специально не спрашивала шифр от сейфа, но сейчас откуда-то знала, что им окажется день рождения бабушки. Вечером она поняла, как сильно любили друг друга ее бабушка и дедушка, и шифр просто не может быть другим.

Сейф тихо щелкнул, послушно открываясь. Яра вытащила большую шкатулку с украшениями, поставила ее на стол и нашла коробочку с браслетом. Металл оказался ледяным на ощупь, будто лежал в холодильнике, а не в сейфе.

Тем не менее Яра нетерпеливо надела браслет на запястье, и прежде, чем успела бы закрыть замок, тот защелкнулся сам. Браслет настолько крепко обхватил запястье, что Яра охнула от неожиданной боли. Браслет казался широким, а ее запястья были тонкими, так почему стало так тесно?

Яра попыталась открыть замок, но тот не поддавался. Плохо слушающимися от боли пальцами она дергала тонкие пластинки, но они закрылись намертво. А браслет с каждой секундой сжимался все крепче. Может быть, в нем есть какой-то секрет, какая-то противоугонная система? Бабушка знает этот секрет, а Яра – нет. И браслет сейчас запросто оттяпает ей кисть.

В глазах темнело от боли и ужаса, в голове билась настойчивая мысль позвать на помощь, пока не поздно, но Яра все еще пыталась справиться самостоятельно. Не может она бежать к бабушке, не может признаться, что без ее разрешения надела браслет. Да, Яре уже не десять лет, чтобы бояться гнева бабушки, но разочаровывать любимых людей в тридцать два года еще больше, чем в десять.

И вдруг хватка ослабла. Яра не успела выдохнуть, как увидела, что браслет больше не похож на бездушный металл. Два желтых бриллианта сверкнули особенно ярко, золотые пластинки тихонько потерлись друг о друга, и вот по ее руке ползет вверх тоненькая змейка, на глазах увеличиваясь в размерах. Змея уже миновала локоть, а Яра никак не могла вдохнуть. Ужас сдавил горло, и Яра только беспомощно

смотрела на то, как змея раскрыла маленькую пасть, обнажая острые клыки, раздула капюшон, угрожающе зашипела, а потом бросилась на нее и вонзила клыки ей в шею.

Яра наконец закричала и проснулась. Она лежала в собственной кровати, скомканное одеяло валялось на полу. Никакого браслета на руке не было, но шею по-прежнему что-то жалило. Быстро махнув рукой, Яра обнаружила, что это всего лишь сережка. Должно быть, расстегнулась во сне и впилась в кожу острым гвоздиком. Яра села на постели, стирая ладонями с лица кошмар. Приснится же такое! Прислушалась к себе – никакого нестерпимого желания надеть бабушкин браслет не ощутила. Что за глупости вообще!

Все-таки удивительный орган – мозг. Вечером Яре так понравился этот браслет, что он тут же встроил его в сон. Да еще таким причудливым образом.

Часы показывали только начало третьего, еще спать и спать. Даже летом до рассвета далеко. Яра решила спуститься вниз, выпить воды, чтобы немного смочить пересохшее горло, а затем вернуться обратно в постель. Мимо двери в дедушкин кабинет проходила с опаской, будто боялась, что против воли войдет внутрь и откроет сейф. Кстати, интересно, неужели шифр от него действительно бабушкин день рождения?

Наполнив стакан, Яра отвернулась от раковины и едва не вскрикнула: возле большой стеклянной двери, ведущей из кухни в сад, ползло что-то длинное и тонкое. Сама дверь

была приоткрыта и не занавешена, поэтому яркого света луны хватило, чтобы рассмотреть змею. Яра хорошо видела и четко очерченную треугольную голову, и зигзагообразный рисунок на спине. Значит, гадюка, не уж. Стояла не шевелясь, пока змея не выползла на улицу и не скрылась в высокой траве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.